

**ЛУЧШИЕ
БИОГРАФИИ
НАСТОЯЩИЙ
ЛУЖКОВ**

**ПРЕСТУПНИК ИЛИ
ЖЕРТВА КРЕМЛЯ?**

**Михаил
Полятыкин**

Михаил Александрович Полятыкин
Настоящий Лужков. Преступник
или жертва Кремля?
Серия «Лучшие биографии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373413
Михаил Полятыкин. Настоящий Лужков: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-6994-6813-3

Аннотация

Михаил Александрович Полятыкин бок о бок работал с Юрием Лужковым в течение 15 лет, будучи главным редактором газеты Московского правительства «Тверская, 13». Он хорошо знает как сильные, так и слабые стороны этого политика и государственного деятеля. После отставки Лужкова тон средств массовой информации и политологов, еще год назад славословящих бывшего московского мэра, резко сменился на противоположный. Но какова же настоящая правда о Лужкове? Какие интересы преобладали в его действиях – корыстные, корпоративные, семейные или же все-таки государственные? Что он действительно сделал для Москвы и чего не сделал? Что привнес Лужков с собой в российскую политику? Каков он был личной жизни? На эти и многие другие вопросы «без гнева и пристрастия», но с неизменным юмором отвечает в своей книге Михаил Полятыкин. Автор много лет собирал анекдоты о Лужкове и помещает их в приложении к книге («И тут Юрий Михайлович ахнул, или 101 анекдот про Лужкова»).

Содержание

Внешность	4
Характер	17
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Полятыкин

Настоящий Лужков. Преступник или жертва Кремля?

Господи! Спаси меня от соблазна казаться лучше, чем я есть на самом деле.

Из ежедневной молитвы автора

Внешность

Я никогда не считал себя Аленом Делоном в смысле внешних физических данных и сейчас не считаю, а потому никогда активно не волочился, как говаривали когда-то, за женищинами.

М. Полятыкин. «Тореро в кресле мэра, или Юрий Лужков: хронология успеха», М., 1996

Характерная, а теперь и вообще легендарная деталь внешности – кожаная кепка-восьмиклинка, выставленная как-то даже на аукционе в Москве и купленная за 15 тысяч долларов предпринимателем, пожелавшим, что называется, «постучать по мэрскому голенищу».

В начале мэрской карьеры Ю. Лужкова многие втихаря посмеивались над его привычкой носить эту самую кепку, а в конце ее редкий высокопоставленный чиновник из приближенных не напяливал на голову какой-нибудь дорогуший суррогат а-ля Лужков. Люди меняются. Собаки, как известно, бывают похожи на своих хозяев, а подчиненные – на своих начальников... Вот и в новейшее постлужковское время врио мэра В. Ресин традиционный субботний объезд объектов совершал в традиционной же кепке.

Удивительные все-таки люди заместители начальников! Хоть первые замы, хоть последние, хоть больших начальников, хоть маленьких. Оказавшись по воле случая, по приказу вышестоящего чиновника, по мановению волшебной палочки или самого Творца заместители кардинально изменяются. И внешне, и внутренне, и на людях, и наедине с самими собой. Не говоря уже о подчиненных, членах семьи и друзьях.

Но, возможно, впечатление это и обманчиво. Ведь абсолютное большинство замов считают свою миссию вторых лиц не отвечающей их знаниям, способностям и таланту руководителей. Но они вынуждены скрывать это за завесой почитания первого руководителя до поры до времени. Хотя процентов девяносто из них не догадываются, сколь велика дистанция от первого лица до второго. Как у военных от полковника до генерала. Не знаю, как сегодня, а в Красной, а позже в Советской армии по выходе на пенсию генералам полагались такие преференции, которые полковникам и не снились. Дачные участки в ближнем Подмосковье по гектару, пенсии женам после смерти, автомобили и прочие атрибуты принадлежности к высшей касте. Помню, ко мне в отдел научно-технической информации, который я возглавлял, пришла наниматься на работу женщина лет сорока пяти, может, чуть старше. Рассказала: двое детей, муж военный, умер, не успев перешагнуть черту между полковничьим и генеральским званиями, хотя все документы были отправлены куда следует и вовремя. А пока бумаги ходили, человек умер.

– А что вы умеете делать? – спрашиваю.

– Я? Ничего... – с некоторой растерянностью и смущением от понимания своей нероботоспособности ответила она. И продолжала:

– Муж меня и детей обеспечивал, жили мы в достатке. А теперь... – она в отчаянии не то чтобы махнула, а как-то неуверенно повела рукой.

Видно было, что ей и общаться-то нелегко, что относится она не к типу шустрых и знающих себе цену офицерских жен, а к тем домоседкам и домохозяйкам, за которых все и всегда решает мужчина.

– Ну хотя бы полы мыть умеете?

Она с готовностью закивала головой, и я уговорил кадровика взять ее уборщицей.

В моем отделе такой вакансии не было – он зачислил ее через хозяйственную службу.

Разница между первым и последующими креслами принципиальная. Именно начальник распоряжается финансами, принимает решения и отвечает за них. И этому умению ни один вуз обучить не может. Либо у человека в характере есть способность решать и отвечать, либо ее нет.

Только ленивый не топчет нынче на словах гигантски расплодившегося спрута российской бюрократии, но никто не решается – не может или не хочет – обрубить ему присосавшиеся к телу народа щупальца. Замечу: не к телу государства, поскольку государство и народ не суть одно и то же, и долгие годы прессующий нас когда-то слоган «государство – это мы» – большая натяжка и большой обман.

На мой взгляд... написал эти слова и задумался: не много ли на себя беру? Может, следует вместо местоимения личного употребить обезличенное притяжательное и написать: «на наш взгляд»? Вроде как дистанцироваться несколько от слишком явного выражения собственных взглядов и собственного мнения.

Зачем? В этом произведении мне не нужен лирический герой, как у некоторых сошедших со сцены политиков (хотя в телепередачах их и представляют как политиков), мне не нужны иносказательность и завуалированность, поскольку книга эта написана не по горячим следам недавних событий и перемен в коридорах московской власти. Она родилась более 8 лет назад, но опубликовать ее не было никакой возможности, о чем, конечно, расскажу, но чуть позже.

Я счастливый автор. Мне ничего не надо придумывать или выдумывать, не надо себя разрисовывать розовыми, а всех прочих черными или, на худой конец, коричневыми красками. За те 20 лет, что проработал в столичной печати, и за 15 лет дружбы с Ю. Лужковым я накопил достаточно знаний и опыта, достаточно видел и слышал, чтобы иметь собственное мнение о процессах и явлениях, совершающихся в моем любимом городе, и мне ничуть не стыдно и не боязно за то, что я его имею. Тем более что я не замарался властью. И, по моему мнению, гидра бюрократии разрослась по двум причинам. Во-первых, из желания больших чиновников «порадеть родному человечку». Кто может сегодня сказать, сколько при министерствах и департаментах родилось всяких фондов, центров, институтов, агентств, контор с самыми замысловатыми названиями и с еще более замысловатыми и никому не понятными функциями. А печатных СМИ?

Задачи, функции и цели непонятны, а денежки идут. А. Кудрин, «лучший министр финансов всех времен» объявил: за три года сократим аппарат управления на 20 процентов. Как будто мы не знаем или кто-то не знает, что сначала сократят вакансии, потом уборщиц, потом ночных сторожей и на этом все закончится. А уж если дело дойдет до секвестра какой-либо лишней в звене управления конторы, то вместо нее тут же на теле гидры вырастут две новые. А то и три.

Во-вторых, рост чиновного серого люда обусловлен все той же боязнью принимать решения. Чем больше звеньев, тем дольше процесс исполнения, тем увереннее чувствует себя самый большой начальник. На любой бумаге он может начертать в углу резолюцию: «Иванову (Петрову, Сидорову и пр.). Прошу ваши предложения. Срок ...» И подпись.

И пусть Иванов-Петров-Сидоров парятся. Но они ведь и не подумают. Они пустят бумагу вниз по струне и дойдет она, как миленькая, до самого жалкого клерка, которого и знать-то в лицо вышестоящий начальник не знает, да и не хочет.

В качестве примера привожу подлинник поручения Ю. Лужкова своим «низам» по поводу события, которое, как установило позже следствие, не имело места быть. И это только одна страница из четырех!

А вы говорите сократить...

Приходилось читать, что Ресин-де устал носить чужую кепку и чужой портфель и давно готов был подвинуть своего неумного и не сдающегося шефа. И, судя по довольно резким выпадам в адрес прежних решений Ю. Лужкова в первые же не то чтобы дни, а даже и минуты, своего звездного часа, можно бы было с таким мнением согласиться. Отмена принятых Ю. Лужковым решений по застройке Боровицкого холма, освоению подземного пространства под Пушкинской площадью, встреча с общественниками – защитниками старой Москвы, наконец, вызывающе дерзкое вступление в «Единую Россию» давало также основания аналитикам предположить, что главный застройщик Москвы не прочь стать ее главным начальником.

Однако мало кто знает, что товарищ Ресин и сам по себе на московской иерархии власти фигура весьма значительная. Непросто значительная, а в некоторых вопросах еще более влиятельная, чем сам мэр. Кто внимателен, тот должен был заметить, что В. Ресин очень редко сопровождал мэра в его субботних объезд-шоу объектов. По этой части у него была всегда своя программа и собственный план объездов, которые, правда, не сопровождались таким количеством фотовспышек и телекамер, как шоу мэра. Здесь заместитель выглядит гораздо рациональнее своего начальника.

Об их взаимоотношениях В. Ресин рассказал однажды в интервью газете «Тверская, 13», которое называлось «Лужков сегодня – больше, чем москвич»:

– Юрий Михайлович не только может генерировать идеи, не только может спрашивать, но, когда надо, может засучить рукава и активно внедрять собственные идеи. Я говорю это не из желания похвалить или из подхалимажа. Согласитесь, я уже вышел из того возраста, когда это было нужно, да и мое общественное положение не то...

– Между тем, – говорит корреспондент, – у вас вроде были какие-то трения с Лужковым...

– У нас никогда не было трений. Он с меня требовал и требует, а я исполнял и исполняю. Я вхожу к нему в кабинет со своим мнением, а выхожу – с его.

– А это не стыдно? И вы не чувствуете какого-либо ущемления самолюбия от этого?

– Нет. Наоборот, чувствую доверие к себе, которое я обязан оправдать. Я член команды и всегда буду выполнять то, к чему призывают.

– Вам будет жаль, если, допустим, он выдвинется в президенты и его изберут?

– Что значит жаль? Мне будет хорошо, когда ему будет хорошо. Но сегодня (интервью за 1,5 года до президентских выборов 1999 г. – *М.П.*), как он сам говорит, перед ним такой задачи не стоит. Хотя, на мой взгляд, он больше, чем москвич. И если его изберут президентом – Москва только потеряет. Пока я замены ему в Москве не вижу.

– А вы не боитесь, что Юрий Михайлович зазнается – ведь все мы люди, а не боги?..

– Нет, не боюсь. Он не из той категории людей, которые зазнаются. От признания заслуг он только больше будет требовать и спрашивать. В том числе и с себя, – подчеркнул Владимир Иосифович.

Отмечу его слова о том, что у него не то общественное положение, чтобы, как говорится, прогибаться и вылизывать. Что верно, то верно. Не знаю, как праздновала Москва его 70-летие, а вот 60-летний юбилей довольно широко. Скромная делегация нашей газеты из двух человек подтянулась к офису в Газетном переулке только к вечеру и еще два часа мы

стояли в очереди, дожидаясь доступа к телу. А если учесть, что процесс начался едва ли не с раннего утра, то можно себе представить, сколько на аудиенции побывало народу.

Мы подарили ему сувенирную саблю с насечкой: «Сгоряча – не бей сплеча, // Ну а лучше ее все же // Не вытаскивай из ножен». Ерунда, конечно, эта сабля на фоне настоящего холодного оружия с Кавказа, сваленного у его ног. Но как говорится, чем богаты...

А вообще Ю. Лужков многим В. Ресину обязан. Мэр как строитель клал только печки на дачах у соседей да умел тесать бревна. Настоящих же строек городских масштабов в глаза не видел – Ресин его тут здорово выручал все годы, что они были вместе. Он же ввел мэра в элитный масонский клуб миллионеров «Ротари», что Ю. Лужков категорически сначала отрицал, познакомил с Е. Батуриной.

Может, по мнению В. Ресина, начальник не вполне оценил его заслуг и отмена прежних решений прежнего мэра, кадровые судорожные перестановки – просто маленькая месть.

Или сам главный московский строитель увидел в действиях тандема Лужков – Батурина угрозу архитектуре и застройке Москвы, ему эта кампанейщина и откровенное территориальное хамство надоели, но до поры до времени приходилось терпеть. А кто из вас двух жильный?

Или, что всего вероятнее, линию поведения В. Ресину на короткий промежуток времени руководства столицей подсказали «оттуда». Дескать, делай, как велено, и останешься при власти, при должности и при замке в Шотландии. И ведь остался!

Под кепкой Ю. Лужкова – серые глаза с небольшим разрезом, подтверждающим примесь азиатской крови, – его мать была родом из глухого башкирского села, она-то и наградила сына отличными от обычных русских чертами лица – скулами, овалом, глазами. Возможно, именно поэтому он питает особую привязанность к бывшему президенту Башкортостана Рахимову.

Когда в 1992 году вторая жена, Е. Батурина, родила Ю. Лужкову дочь, вся Москва знала, что он по вечерам уезжает с работы раньше, чем прежде, – торопится купать свою, как он говорил, Гюльчатай.

– А ты знаешь, у меня дочь родилась, на меня похожа, точная копия, – сказал он мне поздно вечером в день рождения дочери.

– Да это сейчас еще и рассмотреть-то невозможно, на кого она похожа...

– Нет, точно говорю. Лена ее называет Гуль... Гюль...

– Гюльчатай, – догадался я.

– Вот-вот, Гюльчатай.

– А вы знаете, что она у вас родилась уже в третий раз?

– Знаю, еще месяца три назад в Моссовете трепали: выкидыш, дескать. Я уж жене ничего не сказал. Думаю, в таком положении это для нее слишком серьезно, действительно выкинет. Ну а народ-то каков?

– Народ нормальный. Чем выше пост у человека, тем больше про него ходит сплетен, это естественно, и воспринимать вам надо все как должное. Такова наша жизнь, а ваша планета.

– Надо было фотографию беременной супруги везде опубликовать.

– Конечно. Вон журналистка Альбац всю Москву завесила своими фото в таком положении. Не знаю только зачем... А познакомились вы с будущей женой...

– ...в период организации системы кооперативов и становления самого движения. Три сотрудницы моего скромного аппарата проделывали колоссальную работу, они не знали усталости и никогда не ныли, хотя я с ними был довольно строг – больше, признаюсь теперь, для того, чтобы не забывали, кто у них начальник, чем в целях воспитания и понукания к труду – их подгонять не требовалось.

Это они помогли мне так раскрутить систему, что ее потребовалось срочно останавливать, иначе коммунизму пришел бы конец гораздо раньше.

Мы часто засиживались допоздна, устраивали чаепития и чувствовали себя единым организмом, функционирующим надежно и устойчиво. Даже среди малочисленных коллективов не часто встречается такое искреннее стремление всех к единой цели, такое взаимопонимание и взаимная выручка, которые сложились у нас. Личное мое отношение ко всем трем сотрудницам было равным и, по существу, одинаковым – я ведь не первый год работал руководителем и давно научился держать дистанцию с подчиненными, впрочем они это хорошо понимали. Знали и о том, что к тому времени я был уже вдов, воспитывал сына.

– Но у вас их двое...

– Старший уже был женат и не нуждался в такой постоянной заботе и опеке, как младший, которому едва исполнилось тогда тринадцать лет.

– Когда же вам его было воспитывать, если вы работали за полночь?

– А иногда и ночью, добавил бы я. Мне помогала моя мама, она заботилась о нем в мое отсутствие, как, впрочем, и обо мне, когда я появлялся дома. Сын же частенько поджидал меня на улице в довольно поздние часы, не водил компаний, чему я откровенно был рад.

– А как, интересно, развивался ваш с сотрудницей роман? И почему из троих, возможно неожиданно для самого себя, вы выбрали именно ее?

– Помните песню «Любовь нечаянно нагрянет...»? В моем тогдашнем возрасте трудно было предположить, что она нагрянет, хотя и существует классическое «любви все возрасты покорны»... Покорны – согласен, но чтобы нечаянно в возрасте за пятьдесят – вряд ли. Совместная работа и общий интерес связывают иногда людей гораздо прочнее других уз, и в этом процессе они начинают вдруг находить в коллеге такие черты, которые не встречались им прежде, и отмечать про себя: э, брат, да это похоже на то, что мне надо.

Я никогда не считал себя Аленом Делоном в смысле внешних физических данных и сейчас не считаю, а потому никогда активно не волочился, как говаривали когда-то, за женщинами.

– Женщины ведь любят ушами, а когда вы заговорите – только слушать согласись. Ваши познания обширны, а логика мышления и умение убеждать поражают. Я уже не говорю об умении добиваться поставленной цели. Вы ставили перед собой цель завоевать женщину, которая вам через несколько лет совместной работы наконец-то понравилась?

– Нет, не ставил. Все произошло совершенно естественно для нас обоих, и наша совместная жизнь после брака стала продолжением совместной работы. Мы просто полюбили друг друга – и поженились. Могу утверждать это с чистой совестью.

– Ну сейчас мы договоримся до того, что все городские проблемы и государственные дела вы обсуждаете с женой и принимаете решения с учетом ее мнения. Как когда-то Горбачев на подобный вопрос ответил: мы с Раисой Максимовной советуемся. Хотя невооруженным глазом было видно, что пахло там отнюдь не одними советами, а едва ли не прямым вмешательством августейшей супруги в дела государственные.

– Не говорите мне про чету бывших генеральных секретарей и бывших президентов! И тем более не сравнивайте, мне это не нравится. Я считаю Горбачева прямым виновником развала экономики, ее нынешнего состояния. Это по его вине – досоветовался – распался Союз и стремительно рассыпалось единое экономическое пространство. Нет, супруга не влияет на принятие мною решений, – уверенно подчеркнул Ю. Лужков.

Признаться, я несколько лукавил, когда говорил новоиспеченному отцу, что впервые слышу от него о рождении дочери. В тот вечер мы вернулись из поездки в область большим кагалом, я написал заметку в номер и повез показывать.

По пути в приемную встретил несколько веселых мужичков-аппаратчиков – ничего не мог понять. И только в приемной все прояснилось: три часа назад жена мэра родила ему дочь.

Теперь уже точно. На радостях он выкатил ящик коньяку. Где праздновали, я не понял, но телохранитель пришел тоже ничего себе и сказал, что вес малышки 3,5 килограмма, назвали в честь матери Леной, а сам уехал с В. Ресиным в роддом и, конечно, теперь не вернется – такое событие!

Я поотирался в приемной, потом телохранитель мне моргнул, и мы пошли в его каморку. Посидели, отметили это радостное для шефа событие, а в десятом часу помощник из приемной сообщил по рации: приехал, дескать, сам, собственной персоной.

Я спустился этажом ниже в надежде показать все-таки свое сочинение.

– Вячеслав! – спросил он по громкоговорящей связи помощника, – кто у меня в приемной?

– Воронин и журналист, – ответил Вячеслав Иванович и пошел в кабинет, видно пригласили.

Вышел и сказал:

– Велел Воронину войти, а журналисту передать привет. Я не понял, что это означает...

– Это означает, что он меня послал, – перевел я.

– Может быть...

Тем не менее я не уходил – все бывает в этом мире, а в высших кабинетах – и подавно. Без каких-то минут одиннадцать ночи Ю. Лужков вывалился из кабинета – плащ нараспашку, сам какой-то вроде растерянный или даже обалдевший. И, несмотря на это, заметку прочитал и одобрил.

Кстати, первым, кто поздравил его сперва с рождением дочери, а потом уже с должностью мэра был, Э. Шеварднадзе, вторым – Г. Явлинский.

Глаза у него всепонимающие, много повидавшие. Иногда бывают усталыми, печальными, растроганными. Они становятся узкими и злыми, когда он возмущается, тогда говорит резко и отрывисто. Нечасто, но я его видел и таким.

Был, например, свидетелем его разговора по телефону с председателем тогдашнего Краснопресненского райсовета А. Красновым, на которого к Лужкову пришли жаловаться сразу несколько человек – делегация от района. Суть жалобы: председатель завел в районе какое-то специализированное летучее подразделение, придумал систему связи и наладил стукачество – народ, едва сбросивший, как ему тогда казалось, узы тоталитаризма, воспринял это как новое свидетельство посягательства на едва-едва становящуюся на ноги демократию.

Во время беседы в кабинете раздался звонок – звонил Краснов. Когда Ю. Лужков спросил, как ему удалось узнать, что идет прием, тот похвалился налаженной системой своей разведки, которая и доложила. И предложил – ни больше ни меньше – присоединиться к ней.

– Редкостная сволочь все-таки этот председатель, – подытожил разговор Юрий Михайлович. – Создал собственную службу безопасности, платит из районного бюджета, держит всех в страхе. Представьте, что такое в наше время небольшое, мобильное, тренированное и вооруженное подразделение. Да оно может нагнать страху не только на один район, а на весь огромный город, – зло, со сведенными губами закончил премьер.

Видел и растроганным на вечере презентации книги «Мы дети твои, Москва» в кино-театре «Россия». Все действо организовывал и возглавлял И. Кобзон, который, подружившись с мэром, использовал эту дружбу на полную катушку через механизмы протекционизма, наибольшего благоприятствования своему, своих присных и своих друзей бизнесу.

Высказывалось мнение, что Ю. Лужкову не надо было идти на поводу у окружения и устраивать такое грандиозное шоу в зале «Россия», поскольку это могло вызвать раздражение у определенной части избирателей.

– Да раздражение может вызвать все, – заметил я, думаю, не без оснований.

Представишь книгу широкой публике: скажут – пропаганда, не представишь: скажут – боится. А в результате оказалось, что автор сделал все правильно.

Народу в зале собралось столько, что проще назвать, кого там не было, чем перечислить тех, кто пришел. Достаточно сказать, что впереди меня в амфитеатре слева сидел Михаил Ульянов, далеко не последний, как вы понимаете, человек в Москве и стране, Лужков с женой и Черномырдин с супругой сидели рядом в первом ряду, министры, деятели культуры и искусства, помощник Президента страны, члены правительства города, руководители департаментов, литераторы – словом, именно в такой момент надо брать власть в Москве, если кому-то захочется это сделать.

Я, кстати, оказался единственным журналистом, которому удалось взять интервью у мэра по поводу презентации его книги. Не потому, что он меня знает, он всю Москву знает и она его, а потому, что везет, как говорят, сильнеешим.

Едва я прошел через пункт досмотра, как увидел Юрия Михайловича беседующим с кем-то из знакомых, точнее, окруженным довольно плотной толпой. Вокруг суетились охранники и люди из пресс-служб, но Лужков не такой человек, чтобы пройти мимо старинного приятеля или человека, с которым когда-то работал, а теперь вот встретил здесь, – единицы из тех, с кем он когда-то сотрудничал, могут попасть к нему на прием или встретиться еще где-то.

Я решил, что упустить свой шанс не имею права, и протиснулся к толпе, выжидая удобный момент. Мотали головами охранники и пресс-секретари: дескать, тебе-то что – обязательно сегодня? Но я не поддавался, поскольку журналистский азарт сродни любому другому. Именно поэтому убивают нашего брата везде на континентах, где есть горячие точки, а на место убитых тут же приезжают другие неугомонные – таковы законы профессии.

Обнявшись с двумя-тремя людьми на входе и перекинувшись с ними несколькими фразами, мэр двинулся по направлению к зрительному залу. Вот тут и я был начеку. Знаю, что он не любит таких наскоков и как-то отшил меня в бывшем Кремлевском дворце съездов, заявив, что говорить ничего не станет.

– Юрий Михайлович, – подлетел я тогда, – не хотите ли сказать пару слов москвичам?

– Нет, не хочу, – был ответ, и я умылся.

Но тут ситуация была другая. Я достал диктофон из чемодана – замечу, кстати, что с чемоданом этим, как курва с котелком, был я, по-моему, единственный на этом форуме.

– Юрий Михайлович, – сунул диктофон ему под нос, – что бы вы хотели сказать москвичам по поводу выхода своей книги?

И только это произнес, как понял, что на такой плевый с точки зрения интереса вопрос он отвечать не станет, – слишком рядовой и слишком приземленный. Я тут же переориентировался:

– Нет, не так. Что бы вы хотели от своих читателей, от москвичей?

– От читателей?

– Да...

– От них я хотел бы только одного: чтобы они прочитали книгу, и, конечно, я просто мечтаю о том, чтобы она им понравилась. Но, может, это и не главное. Главное, чтобы она пробудила какие-то мысли о Москве, желание жить в этом городе и улучшать его. Есть у меня в запасе пожелание потенциальным авторам: если очень хочется писать, еще раз подумайте, стоит ли это делать, – предупредил он подобных мне и двинулся в зал.

Предупредить – предупредил, но сам от этой напасти не избавился. Напротив, после первой книги насочинял столько, что впору подумывать об издании собрания сочинений. Другой вопрос, сколько строк из этого собрания принадлежат его личному перу. При таком количестве жаждущих приобщиться, страждущих заручиться и желающих отличиться ему самому совершенно необязательно марать пальчики чернилами. Уж если в те годы, когда был

менее занят, менее востребован и менее известен, писал пальчиками других людей, то ныне и подавно. Не может человек при его загрузке и при такой должности сочинить столько, сколько он насочинял в последние годы. Но это, как говорится, вопрос совести и чести. В конце концов, весь гламур тоже сочиняют не сами гламурные личности, и может поэтому читать у них нечего и не о чем.

Потом был довольно приличный концерт всего с двумя-тремя слабенькими номерами, среди которых было и выступление ныне известной Анны Цой, поднявшейся впоследствии благодаря усилиям и влиянию своего мужа, пресс-секретаря Ю. Лужкова С. Цоя, и каналу TV-Центр, где Цой – председатель совета директоров.

Мэр Лужков разбогател благодаря жене, Анна Цой – благодаря мужу. Все повторяется в этом мире.

Было также сказано на этом вечере много хороших слов не только в адрес писателя Юрия Лужкова, но и по поводу его по-настоящему творческой деятельности во имя города и горожан. В конце вечера он вышел растроганный на сцену – думаю, таким его видели редко, если видели вообще, скорее всего он сам не ожидал, что дело его получит такой отклик среди дотошных, привередливых, образованных, умных и требовательных москвичей. Всегда в движении, всегда в работе, он мало слышал слов, которых заслуживал, а тут услышал столько! Поневоле растрогаешься, хоть и кажешься другим негибачимым и железным. А Ю. Лужков – не железный. Он подвержен, как и все мы, эмоциям и чувствам – и в том его привлекательность для многих как личности, человека и большого начальника при огромной власти. Но и пороки у него сродни этой власти.

Не помню, плакал он или нет, когда хоронил свою мать, а вот то, что он не стал хоронить ни на Новодевичьем, ни на Ваганьковском, ни даже в Кунцеве, характеризует его. Возможно, сегодня он поступил бы по-другому, поскольку сильно изменился и внешне, и, что самое главное, внутренне.

Как и все старые московские кладбища, Кузьминское, где он хоронил свою мать, представляет собой заросший и запущенный лесной массив. Я приехал туда, когда гроб с телом работники службы «Ритуал» уже на руках – по другому протиснуться между деревьев и могил было просто невозможно – несли к свежевырытой могиле. Кажется, была поздняя промозглая осень, низкие-низкие облака и дождик-сеянец. Народу было много, хотя не все присутствующие решались подойти к сыну умершей, чтобы выразить сочувствие. Я подошел, ничего не сказал, молча пожал руку повыше локтя – а что тут говорить?

Да, точно, было холодно. Жена В. Евтушенкова была в дорожной – а в какой еще ей быть – норковой шубе. Почему запомнилось – не знаю. Возможно, именно из-за этой шубы.

О матери Юрий Михайлович всегда отзывался тепло, с сыновней нежностью.

– Родом она из Башкирии, – рассказывал он, – где с давних пор вперемешку живут русские и башкиры. С восьми лет, после смерти своей матери и женитьбы отца на другой, пошла она в няньки, а потом перебралась в Москву. Закончила всего три класса, но была от природы толковой, умной, умело вела домашнее хозяйство и семью. Своих сыновей – а нас было трое братьев-сорванцов, – Аркашку, меня и Серегу, она вырастила, воспитала и, главное, приучила к труду.

Была в молодости красивой, энергичной и, как говорится, заводной. Посмотришь на портрет и видишь: у этой молодухи нрав настоящего беса – в глазах искры горят, лицо доброжелательное и улыбочное. И всегда готова ко всему – хоть к работе до изнеможения, хоть к веселью с песнями до утра. Лишь бы не сидеть без дела на завалянке.

Ю. Лужков регулярно бывает на могиле матери – я сам видел у него в «разблюдовке» такую запись.

Нос у него слегка, почти незаметно приплюснут, губы припухлые, хотя уже истончали, а в гневе вообще превращаются в ниточку, только очень жесткую, как леска.

Уши прижатые, как у породистой лошади, и это хорошо. Потому что будь они оттопыренными, то в сочетании с кепкой его круглое лицо напоминало бы трехлитровую кастрюлю. И так в Московской области жители его иначе как Луной не называют.

– А почему Луна? – заинтересованно спросил он.

– Не знаю. Может, потому что лицо у вас круглое...

– Крестьяне меня уважают. Знают, что я, как пехотинец, все их подмосковные поля на пузе перепахал...

Под кепкой – высокий за счет лысины лоб, переходящий в сплошную лысину. Как говаривал один мой знакомый, в драке волос не считают, а драться Ю. Лужкову приходилось немало, вот и облысел. Когда он слушает доклады подчиненных, то характерным образом морщит лоб, чуть склоняет голову набок, следит за говорящим непрерывно, не отвлекаясь, впрочем, лишь в том случае, если ему интересно то, о чем докладывают. Если же нет – может перелистывать бумаги, перекидываться репликами с кем-либо за столом, не упуская при этом основной мысли докладчика.

Когда он работает с бумагами, голый череп склоняет также набок, коротко остриженными ногтями на ухоженных руках прижимает к столу документ, при этом на безымянном пальце правой руки поблескивает тонкое обручальное кольцо, на шее – золотая цепочка. То ли крестик на ней, то ли какое-то украшение.

По поводу ногтей на руках, кажется, у него просто бзик. Потому что еще в студенческие годы, как вспоминают его однокашники, он уделял ногтям особое внимание.

Росту в нем немногим более 160 сантиметров, но при мощном торсе, широкой кости, большом весе он кажется более высоким, хотя для великих рост – не главное. И Наполеон, и Суворов, и Пушкин, и Ленин, и Сталин, и Гитлер, и Хрущев были малышами. Один Ельцин столб, но – сами понимаете.

3. Церетели изобразил Ю. Лужкова по заимствованному сюжету у провинциальных скульпторов Демченко и Головачева с мячом и ракеткой просто монстром, а не человеком. И ни ракетка, ни футбольный мяч не сглаживают этого угнетающего впечатления. Могучий монстр-мыслитель с проникающим во все и вся взглядом. Должно быть, скульптор всех времен и народов, каковым он представляется нашему мэру, хотел потрогать своему покровителю, а получилось даже хуже, чем всегда.

Замечу, кстати, что когда-то Ю. Лужков был почти равнодушен, во всяком случае, не однажды подчеркивал это, к тому, как выглядел на снимках, в каком виде публикуют его портреты в газетах. Теперь я понимаю, что он только старался казаться равнодушным, и делаю вывод: сущность его несколько иная, чем на экранах и полосах газет. Я был свидетелем разговора мэра с фотокорреспондентом «Московской правды», в котором речь шла о снимках к материалу о нем. Он махнул рукой на разложенные фотографии:

– Я никогда не выбираю для публикации свои портреты.

И это было правдой до того момента, пока в его карманный пресс-центр не приняли на работу придворного фотографа, обязанного запечатлеть для истории каждый шаг мэра, вести фотолетопись его великих дел, распространять его лик через газеты и журналы. Перед очередными выборами за каждый такой снимок руководитель пресс-центра С. Цой требует аж 250 долларов со страждущих, и это, вероятно, не предел.

Вслед за фотографом появились художники, стремящиеся запечатлеть – некоторые влекомые, как когда-то и я сам, искренним желанием, стремлением и восторгом перед свершениями мэра, но абсолютное большинство – исключительно из корыстных побуждений.

Даже такой ас, как всенародно известный скульптурными портретами вождя мирового пролетариата, кавалер и лауреат Н. Щербаков, не устоял под общим напором – изваял-таки «дорогого Юрия». Не знал только, как преподнести, чтоб запомнили, что именно он это сде-

лал. Несколько раз звонил мне после того, как мы познакомились в мэском санатории на Южном берегу Крыма.

– Михаил, – просил, – помоги, пожалуйста, вручить. У меня с мастерской проблемы, вдруг поможет?

– Николай, – говорю, – Андреич, у него этих игрушек – полная хата. В каких только видах не запечатлели – разве что на унитазах не сидит. И то, видно, только потому, что туалет персональный.

Позировать же Ю. Лужков не любит, времени, говорит, нету. Поэтому большинство портретов, что я видел, не отражают его сути. Не могу передать, что в них не так, – я слишком часто с ним встречался, начиная с того момента, когда он был на Москве еще никем, и слишком много провел с ним времени в разговорах, чтобы иметь более или менее полное представление о его внешнем и внутреннем мирах, хотя объективно могу признать, что до конца его так и не понял. Подсознательно чувствовал и неискренность, и властолюбие, и нетерпимость к возражениям, и самолюбование. Но все это настолько завуалировано, замуфлировано, спрятано под личиной рубахи-парня и заботливого отца всех москвичей, что я этих пороков не замечал – слишком был поражен умом, напором и энергией в достижении цели. А этого у него не отнимешь.

Большинство же его портретов слащавы, приторны и подхалимски вылизаны – этикие а-ля Шилов. Может, художники знают о слабости Ю. Лужкова к своему протеже и, что называется, наступают на горло собственной песне, «косят» под обласканного. На фоне подобных изысков художников фотопортреты заметно выигрывают – в них больше жизни, экспрессии, искренности. Его нетрудно снимать даже непрофессионалу. Постоянно меняющееся выражение лица, активная жестикуляция при выступлениях с любых трибун, богатая мимика дают снимающим массу шансов сделать хороший портрет.

В его книге «Мы дети твои, Москва», написанной, как известно, Л. Невлером, опубликован, на мой взгляд, не совсем удачный портрет «автора». Его попытались изобразить эта-ким Победоносцем, гордо поднявшим голову и впередсмотрящим. Но едва пробивающееся сквозь победительность, едва просматривающееся выражение самодовольства на его лице мешает воспринять его таким, каким захотели его показать.

Есть портрет, где он поправляет галстук-бабочку с пренебрежительным выражением на лице. Это выражение опять же крайнего самодовольства, сдобренное чем-то кошачьим – может, это и есть он настоящий?

Во многих изданиях публикуют его парадный портрет, рисованный художником Ржевским с фотографии. Он нравится мэру больше других, может, из-за хитроватого выражения лица в фас, соответствующего непростому типу деятеля, от которого ни подчиненным, ни обывателям не спрятаться и не скрыться.

– Это не он, – сказал я А. Полибину, начальнику информационного отдела мэрии, когда увидел портрет над дверью его кабинета. И опять же не знаю почему. То ли действительно Ю. Лужков так умело маскируется, то ли художник не проник в его суть – трудно это сделать, рисуя с фотографии.

– Как это? – возмутился Анатолий. – Он сам выбрал портрет, одобрил, дал команду, чтобы публиковали везде.

– Команду? Он же клянется, что ему такие нюансы неинтересны, – сказал я и подумал о том, насколько был прав, сомневаясь в искренности рассуждений о пофигизме мэра в отношении собственного лица. А вслух добавил:

– А я тебе говорю – не он! Заметь, какая в выражении лица несвойственная ему хитрость. Возможно, он сам себе кажется именно таким, возможно, хочет или хотелось быть именно таким, но он – другой. На этом портрете нет внутреннего мира, нет объема, нет жизни, если хочешь. Не знаю, на каком уровне, но я это вижу, я это чувствую.

– Ну, ты даешь! – развел руками Анатолий. – Мэру нравится, а тебе нет...

– Вот такое я говно, Толя. Извини.

Рисованные по памяти портреты – будь то Лужков или кто-либо другой, непринципиально – больше всего походят на книги больших начальников, которые они диктуют литографам, литоводчикам, литагентам и прочим людям от литературы или при литературе. Вроде бы все в тексте правильно, вроде и атмосфера передана, и время отражено, и личность «автора» просматривается, но при внимательном и даже при беглом чтении понимаешь: нет, автор не он. Не может литографчик превратиться в личность, текст которой «обрабатывает». При всем старании, уме, образовании и образованности – не может. Ну, не может – и все тут.

Самый большой поток изваяний «подогнали» к юбилею Ю. Лужкова скульпторы. Статуэтки из мрамора и бронзы, бюсты и портреты разных размеров и модификаций завалили всю его подсобку – самую отличительную особенность зрелого мэрского периода. Поскольку помню ту подсобку абсолютно голой. И мне кажется, она заслуживает нескольких строчек повествования. Это такая боковушка, но не в традиционном отрицательном ее толковании, а своеобразный «аппендикс» коридора, связывающего кабинет и зал заседаний в единое целое. В этом «аппендиксе» стоит (во всяком случае стоял, когда я там бывал) низенький и маленький журнальный столик с электросамоваром посередине, три кресла, которые еле-еле устанавливаются вокруг столика. Напротив – диван, слева от входа – холодильник. В глубине коридора – туалет. Хозяин садится обычно в кресло так, чтобы видеть собеседников, при разговоре закидывает правую ногу на валик кресла и говорит: то зло, то убежденно, а то и смачно матерясь.

– Никак не могу отучиться, – сказал как-то. – Хотя, признаюсь, никогда и не пытался.

Чай наливает обычно сам, предлагает печенье, конфеты, бутерброды, баранки, изредка – варенье. Заварка обычно в пакетиках, чаще других – «Липтон».

С течением времени эта с голыми стенами боковушка оказалась целиком заваленной всякой всячиной, которую ему таскали на дни рождения, на юбилеи и просто так.

– Всякого говна нанесли, – заметил он как-то после очередных подношений.

Потом чиновный люд узнал, что ему нравится больше всего, и принялись таскать всякого рода оружие, говорят – за что купил, за то и продаю, – что в один прекрасный день ему даже пулемет «подогнали». И если правда, то как он, законопослушный, по его собственному утверждению, зарегистрировал этого монстряку?

Что же до изображений лика, то усилия подчиненных не пропали даром, и Ю. Лужков стал относиться к ним с должным вниманием. Это тем более оправдано, что со временем его портреты стали появляться на стенах большинства учреждений городской власти и не иметь такового считалось до недавнего времени просто дурным тоном. Не знаю, советовали ли кто-нибудь из руководителей высшего городского звена руководителям помельче или они сами быстро стали с усами, только факт остается фактом: портреты появились в больших количествах, качественно выполненные, в стильных современных рамках под стеклом.

В этом месте и на этом примере хочу порассуждать о бренности преходящих ценностей – денег, должностей, славы и прочей мишуры, что сопровождают человека на его жизненном пути. Прогнали с должности – и завтра в кабинетах тех же чиновников, что вылизывали и выстилали, будет висеть другой портрет, другого человека и нового начальника. Опять суэта, опять заботы и затраты. Надо узнавать, какой лик нравится новому хозяину, где заказать, в какой раме, где повесить, – и прочее и прочее. А потом сидеть и дрожать: вдруг САМ приедет, посмотрит – и не понравится!

Уж если хочется украсить портретом, то повесьте лик выдающегося какого-либо деятеля в своей отрасли – не знаю, Мечникова там, Пирогова, Сухомлинского, Джунковского, Алексеева – да мало ли родила российская земля достойных людей. В том числе родившихся

и трудившихся в славном стольном граде Москве. Тогда не надо будет менять, дрожать, в глаза заглядывать – свободу почувствуете, господа.

Недооценка Ю. Лужковым своих внешних данных не помешала сделать выгодную партию и жениться на дочери большого нефтяного начальника, удачно распределиться по окончании Института нефти и газа имени Губкина.

Вот что пишет об этом эпизоде в его биографии один из журналов: «В одной группе с Лужковым училась невзрачная, но всегда очень хорошо одетая девочка Марина Башилова. Поговаривали, что ее папа – большая шишка в нефтяном министерстве. На пятом курсе Ю. Лужков женился на Марине Башиловой и переехал в «министерскую» квартиру в проезде Серова. Естественно, что после заключения такого брака Юре уже не грозило распределение куда-нибудь на Новый Уренгой или Нефтеюганск. Вместе с женой его распределили в 1958 году в НИИпластмасс Министерства химической промышленности СССР, головную организацию НИИпластмассы».

Один-единственный раз я беседовал с женщиной, которая училась вместе с Мариной Башиловой. В то время я трудился соредктором замечательной совершенно газеты под названием «Хобби», в которой Ю. Лужков публиковал под рубрикой «Рукодел» советы по кладке печей в садовых домиках. Женщина просила рассказать и о своем хобби – она могла с помощью медного кольца, закрученного на конце медных проволок, определить место в помещении, наиболее благоприятное для размещения кровати, дивана, другой мебели. Через это место не должны были проходить магнитные поля, а в комнате М. Башиловой, по словам моей гостьи, кровать стояла как раз поперек мощного магнитного поля. Кровать, естественно, переставили, но было уже поздно, спасти женщину не удалось.

– А с Юрием Михайловичем, – спрашиваю, – общаетесь?

– Пока он не взлетел на такую высоту, общалась. А теперь как-то неудобно. Думаю, позвоню, а вдруг он сильно занят...

Ситуация мне знакомая. Можно с детства дружить с человеком, но проходит какой-то период времени – и прежний друг, приятель, сообщник, единомышленник, поделщик, товарищ, наперсник, поверенный, собеседник, собутыльник, коллега, однодворец, однокашник или одноклассник становятся так далеки и так трудно воспринимаемы, что приходится жертвовать отношениями с ними во имя высшей цели. Которая, естественно, у каждого индивидуума своя – у одного это личное обогащение, у другого – жажда странствий, у третьего – звон наград, у четвертого... впрочем, разве можно перечислить все людские пороки и добродетели? У Ю. Лужкова, по его словам, одна страсть – работа. И это не показное стремление отличиться, это внутренняя потребность деятельности, стремление реализовать открывшиеся возможности и доказать самому себе и окружающим простую, как мычание, формулу: не только хочу, но и могу!

Прибор из медной проволоки посетительница оставила мне на память, я пробовал определять магнитные поля у себя в квартире – показывает на самом деле.

А вообще-то НИИпластмасс сослужил Ю. Лужкову отличную службу. На его благодатной почве родилось движение «прибамбасы из пластмассы» и выросла миллиардерша Е. Батурина, вторая жена Ю. Лужкова, которой он, как утверждает, ну совершенно не помогает в бизнесе.

Для полноты описания внешности замечу, что одевается он в зависимости от обстоятельств. Может носить смокинг с бабочкой, дорогие костюмы с галстуком, а может – тренировочные штаны с кроссовками, фирменные футболку, куртку и бейсболку.

Как-то приехал в здание мэрии на Тверской, 13, в выходной день, Ю. Лужков сидел за столом и разбирал бумаги. Одет был по-спортивному: кроссовки «Адидас», джинсы (фирму не разглядел), хлопчатобумажная клетчатая рубашка, так называемая ковбойка, и серый свитер. Если бы мне в оные времена кто-то сказал, что председатель Мосгорисполкома – я сам

проработал в этом доме целых шесть лет – будет восседать в своем кресле в таком непотребном для своего поста виде, я бы просто плюнул тому в физиономию за такие кощунственные слова. Но, оказывается, и нормальные люди могут управлять нами.

Или его вид во время крестного хода в день закладки памятной капсулы в основание храма Христа Спасителя. На 7 января была назначена торжественная служба в Успенском соборе, крестный ход до места закладки капсулы с посланием потомкам. Патриарх Алексей II шел об руку с Ю. Лужковым, и на экране телевизора мэр смотрелся довольно любопытно. Жаль, что нельзя применить слово «комично», потому что не тот случай. Крупный Алексей, увеличенный в росте за счет рясы и головного специфического убора, был величествен, а вот сам по себе не мелкий Ю. Лужков выглядел бледновато.

На фоне сплошной белизны церковных одежд, выплывающих из ворот Спасской башни, он, в своем черном пальто и неизменной приплюснутой кожаной кепочке, казался совершенно инородным телом. Хотя посвященные знают, сколько он сделал для того, чтобы этот торжественный момент наступил.

Зато при закладке капсулы и установлении сверху на цементном растворе памятной доски – точной копии той, что была заложена когда-то, – равных ему не было. Мастерок в его руке держался свободно, а раствор он разравнивал – и это хорошо было видно – с удовольствием.

И последний мазок на портрете его внешности. Несколько лет назад он похудел по собственной воле и усилиям на целых десять килограммов. Утверждает, что это позволяет легче передвигаться, заниматься спортом. Поддерживает форму и не набирает вес за счет ограничений в питании – отказался от каш, хлеба и других калорийных продуктов.

Хотя, по его признанию, поесть любит, обожает пшенную кашу с молоком. Кстати, руководителям тех предприятий, которые он объезжал в рамках своего субботнего шоу, либо намекали, либо говорили в лоб в зависимости от степени доверия, что желательно накрыть достойный стол. И они накрывали – да какие столы!

Ничто человеческое Ю. Лужкову не чуждо.

Характер

Я не ангел, и крылышки у меня если и появятся, то наверняка не скоро. И жесткость, и конфликтность в характере присутствуют. Однако конфликтую я исключительно в интересах дела, которому служу и которое по мере сил стараюсь делать добросовестно. Ни перед кем не собираюсь рядиться в овечью шкуру, поскольку не тот у меня характер от рождения, а что дано, то дано. Я не думаю о том, как выгляжу в тот или иной момент на работе, не забочусь о последствиях того или иного шага, если вижу препятствия на пути к цели. Для меня всегда важен ре-зультат!

М. Полятыкин. «Тореро в кресле мэра, или Юрий Лужков: хронология успеха». М., 1996, с. 26

Все, что он сказал о себе, справедливо, если учесть, что характер у него действительно неординарный. Он может быть терпеливым и сдержанным довольно долго, потом неожиданно взорваться и так же долго отходить. На моем личном примере – вообще не отошел. Но об этом чуть позже.

Прежде чем рассказать, каким мне видится его характер, приведу мнение двух авторитетных людей. Вот что пишет известный физиономист и автор многих книг по анализу личности Б. Хигер:

«Ю. Лужков – ярый борец за нововведения, смелый, прямолинейный. Не следует ничьим советам, однако выслушивает мнение каждого, решения принимает самостоятельно. Верит только в свои силы, никому не передоверяет. Способен воспринять чужую идею и принять неординарное решение для ее осуществления. С подчиненными, которые не справляются со своими обязанностями, расстается без особых сожалений.

Обладает хорошей памятью и интуицией, способен спонтанно решать самые сложные проблемы, быстро и четко ориентируется в экстремальных ситуациях. Не любит делать доклады, но всегда к ним готов. Материалист, но верит в сны.

В нем полностью отсутствует амбициозность, если что-то не понял, не считает зазорным переспросить, вникнуть в суть проблемы с помощью сотрудников. Материальная сторона его мало интересует и меньше, чем всеобщее признание его заслуг, он достаточно тщеславен. Тактичен и напрасно никого не обидит. Не любит сидеть в своем кабинете, должен видеть, как выполняются его распоряжения, знать, не нужна ли его помощь. Не любит лести, не ждет похвалы. По натуре домосед, не любит уезжать из дома надолго, только в случае необходимости».

А вот мнение ученого-профессора МГАУ имени Горячкина Н. Тельнова:

«Сильные стороны Ю. Лужкова проявляются в волевом настрое, напоре, неукротимой жажде деятельности, спортивном тоне и решительности. Он человек действия и стремится во что бы то ни стало достигнуть поставленной цели.

В борьбе никогда не уступит инициативы. Если приходится выжидать – может временно и затаиться, но не упустит нужный момент для удара. Когда желаемого не удастся достигнуть прямо и быстро, ищет обходные пути и своего непременно добивается.

Тип психики Ю. Лужкова – самый трезвый реалист из всех психотипов, поскольку его сенсорное восприятие, соединенное с логическим анализом и при условии полноты информации, достаточно точно воспроизводит реальную картину мира.

Прекрасно понимая, как лучше организовать работу, и видя неспособность других действовать так же оптимально и результативно, как это может делать он сам, взваливает на себя кроме своих обязанностей также и дела окружающих людей. Даже если такая (подчас

мелочная) опека станет кого-то раздражать, рядом с ним любой человек может чувствовать себя защищенным.

В любой области деятельности для него важна быстрая и осязаемая отдача. Результат он хочет видеть в материальном воплощении: завоеванный стратегический плацдарм, дача, квартира, машина...

Есть у Ю. Лужкова и слабые места. Когда надо уловить настроения, оттенки отношений людей друг к другу, он чувствует себя неуверенно. Ему легче проявить конкретную заботу о человеке, чем просто сочувствовать. Его постоянное деятельное напряжение, ответственность за множество своих и чужих дел может привести его к нервному истощению и упадку сил. Однако он старается скрыть это свое состояние от окружающих и производит впечатление человека, закованного в броню. Много горечи ему приносит сознание того, что своей независимостью, решительностью, твердостью и волей он создает о себе впечатление как о человеке, которому теплота участия не нужна.

Вообще человек его типа старается как можно больше узнать о тех, с кем ему приходится работать, из надежных источников. Он предпочитает не гадать, а конкретно оценивать имеющуюся информацию логически, по самой своей сильной функции. Поэтому Ю. Лужков судит о человеке по поступкам, а не по душевным собственным его качествам. Неудивительно, что его суждения о людях бывают довольно-таки прямолинейны».

К высказываниям уважаемых коллег могу добавить следующее: все свои выводы и умозаключения они сделали на основании косвенных данных, ни разу не встретившись лично с предметом своих исследований, а посему вместе с известной долей правды в анализах много случайного, того, что лежит на поверхности и, по сути, известно не только ближайшему окружению, но и всем, кто хоть однажды слушал мэра Москвы, встречался с ним или беседовал.

Мое описание его характера основывается на многочисленных встречах, беседах и наблюдениях вблизи и со стороны, высказываниях людей, близко и давно его знающих, и оно, естественно, никак не может быть уложено в скудные рамки рассуждений стороннего наблюдателя.

Чтобы понять характер Ю. Лужкова, введем его в систему, как любит делать это он сам при решении трудных задач, выдвигаемых временем или поставленных начальством. Составим простенькую таблицу из двух колонок – в одну впишем положительные, а в другую – отрицательные черты его характера. В алфавитном порядке, чтобы не создавалось впечатление, что чего-то больше, а чего-то меньше.

Положительные	Отрицательные
Внимательность, выносливость, доброта, дотошность, заботливость, любознательность, любопытство, неординарность, равнодушие, самодостаточность, самостоятельность, совесть, образованность, обязательность, ответственность, понятливость, трезвость, терпимость, ум, упрямство, удачливость, честолюбие	Азартность, боязливость, властолюбие, вождизм, внушаемость, грубость, гигантизм, доверчивость, завистливость, изворотливость, лицемерие, мстительность, мнительность, неукротимость, ненормативность, нетерпимость, самовлюбленность, порывистость, тщеславие, циничность, эгоизм
Итого: 22	Итого: 21

Как видите, положительных черт у него все-таки больше. Поздравляю!

Не стану под каждую черту характера подводить теоретическую, психологическую или иным образом сформулированную базу, как не стану под каждую из них искать документальное подтверждение. Не потому, что недостаточно документов и первоисточников – за 20 лет работы в городской печати у меня их скопились горы, – а потому, что, во-первых, надеюсь написать еще более полный его портрет – эта неординарная личность того заслуживает, а во-вторых, потому, что каждый из тех людей, кто близко его знает и непосредственно общался, найдет подтверждение любой приведенной мною черты в зависимости от того, где, когда, при каких обстоятельствах встречался, какую занимал при этом должность и чего хотел добиться от встречи с мэром.

Стоило понаблюдать за встречами бывшего президента В. Путина с Ю. Лужковым, чтобы обратить внимание на поведение последнего. Насколько уверенно он вел себя на подобных встречах с Б. Ельциным, настолько хило выглядел на фоне нового лидера. Несмотря на все свои конфликтность и апломб, дескать, мы, москвичи, а я их мэр, наполняем вам три четверти бюджета страны, В. Путина он явно побаивался.

Держался скованно, неуверенно и нерешительно. Это отчетливо было видно по репликам и ответам с оттенком подострастия, по стремлению угадать, какой ответ хочет услышать собеседник. Больно было смотреть, как признанный лидер Москвы, могущественный мэр, еще вчера внушающий своим политическим – и не только – противникам страх и уважение, мэр, позволяющий себе многое из того, что прочим губернаторам и не снилось при прежнем режиме, сидит пред ясными очами молодого президента и внимает, не роняя ни слова.

Не уголки, а все углы его губ – да где там углы – все его губы, плотно сжатые, будто боящиеся разомкнуться и брякнуть что-либо, опущены книзу с выражением крайнего напряжения. Или с выражением внутренней борьбы, свидетельствующей о внешнем признании того, что происходит вокруг, и внутренними противоречиями с новым порядком вещей.

Я смотрел тогда на его лицо и думал: если бы у него были усы, то в прежние годы, в те счастливые времена, когда он был на коне, когда мечтал о взятии Кремлевского холма, как советовал ему на одной из научно-практических конференций в здании мэрии на Новом Арбате его друг Ю. Афанасьев, они бы торчали у него, как у С. Буденного, и он пиками этих усов прокалывал бы встречных и поперечных – всех тех, кто мешал восшествию на заветный престол.

Теперь же они бы повисли, как у Тараса Бульбы на рисунке Кибрика, где Тарас изображен прикрученным к стволу, а под ногами у него разгорается пламя костра, разложенного проклятыми ляхами. И из последних сил, с невероятным отчаянием и надеждой крикнет Тарас:

– Слышишь меня, сынку?

– Слышу! – ответится Остап и вынужден будет быстро-быстро ретироваться, чтобы не схватили и его подлые ляхи и не привязали бы рядом с отцом.

Чувствовал ли Ю. Лужков огонь под своими пятками? Знал ли, что пламя уже охватило весь его мощный торс и осталось только крикнуть, как Тарас. Но кому? Как утверждал классик, иных уж нет, а те далече. Одних он сдал, других предал, третьи переметнулись, и он реально может рассчитывать только на себя и на ту силу, которая появилась у него за спиной не так чтобы недавно, но и не так, чтобы очень давно, каких-нибудь лет 7 – 10 назад. После того как разбогатела его жена и появления в ряду друзей и соратников В. Шанцева, богатых евреев, актерского и попсового бомонда из их числа.

Если вы не состоите при должностях, а трудитесь на стройке или танцуете с метлой в московском дворике, то можете рассчитывать при встрече на благосклонное, заботливое и внимательное отношение к себе со стороны градоначальника. Думаю, что у Лужкова оно

искреннее, а не показушное, рассчитанное на публику, хотя за несколько последних лет он заужавал показуху больше, чем прежде.

Не знаю, насколько многочисленный сегодня в Москве рабочий класс, но наш бывший мэр в его глазах всегда пытался выглядеть радетелем, заботливым хозяином. При пуске, например, завода по производству минеральных вод «Московия» в Зеленограде он сказал:

– Все, что завершает упаковку и расфасовку, все это несовершенно. И выполнять их вручную, в рутинном режиме в течение восьми часов силами наших женщин – мужчина сразу сдохнет при такой работе – вещь недопустимая, вещь неприемлемая...

Или вот его высказывание на совещании по реконструкции Гостиного двора:

– Завершить, закрыть надо мансардную часть и чтобы в холодное время года люди не мерзли на улице, выполняя отделочные работы, не трудились в скованных условиях, в теплой одежде...

Подобных примеров заботы мэра о рабочих можно привести великое множество, как, кстати, и о рядовых москвичах. Как утверждает сам Ю. Лужков, ему «в народ» ходить не надо, он, дескать, никогда из него не выходил. Возможно. Его просто вывели через черный ход окружающие его прихлебатели и искатели мест.

По-другому он разговаривает с руководителями различных рангов и положения в городских организациях. Чиновнику, который на стройплощадке Лужников пожаловался, что не получает зарплату в течение нескольких месяцев, он сказал:

– По цвету вашего лица не скажешь, что вы с марта месяца не получаете денег.

Или его замечание по поводу проекта противопожарной безопасности одного из объектов:

– Совершенно по-дикому выставлены эти требования! Просто садист человек. Я думаю, не просто садист, а враг! Это не проектант сидел – враг, которому нужно было вколотить деньги...

Хороший перл выдал Ю. Лужков на планерке по строительству Новой Олимпийской деревни на улице Удальцова:

– Кофман! – крикнул он. – Хватит пить!

Не могу сказать, что пил Кофман, бывший в то время председателем Комитета по физкультуре и спорту г. Москвы, просто констатирую: грубость обращения мэра прямо пропорциональна занимаемой чиновником должности.

– У меня масса друзей, среди которых есть и никому в Москве не известные люди, – говорит бывший мэр, – но от этого они мне не менее дороги. Искренняя дружба предполагает равенство человеческих качеств, а не регалий. У меня допоздна звонит телефон, и в любое время суток может ввалиться в дом кто-либо из тех, кого я давным-давно хотел бы увидеть, но все не удавалось.

А ковался этот необычный, противоречивый и неординарный характер на Москве Павелецкой-Товарной среди самой обычной, самой затрапезной публики. Вот как вспоминает о своем «золотом детстве» сам мэр:

– Начальная школа была через дорогу. Лужи не просыхали ни летом, ни зимой. Рядом со школой расположилась пивнушка, где два пожилых еврея, Гриша да Аркаша, торговали пивом, водкой, закуской. Здесь была и проходная завода, мужички, выходя со смены, прикладывались. Некоторые теперь говорят: пьяных тогда было мало. Были, и немало.

Как водится, тут же и мы крутились – девки, ребята. И забавы у нас были под стать времени – самые разнообразные, порой до жестокости. Железная дорога – под боком, снаряды возили на ней на фронт и с фронта. Стащим, бывало, снаряд с платформы, сунем в костер и ждем, пока рванет. Рвало так, что углы домов выворачивало. Поджоги всякие в моде были, шпаги из проволоки – все было.

Как-то купил за кило сахара у Линусика с нашего двора ружье старинное – то ли с латунным, то ли с медным стволом, боек ему приделал, приспособил резину вместо спускового крючка. Не знал только, сколько порошу в патрон набивают, думал – под завязку. Набил два патрона, лист железный нашел – и айда с пацанами на водокачку – пробовать. Нажал на спуск – и больше ничего не помню, память отшибло напрочь. Очухался, вижу – все пацаны вокруг лежат, ложе моего ружья в щепках, лист железный весь дробью прошит – сработало! А что никто из нас серьезно не пострадал – слава Богу! Повезло.

Вообще-то пальнуть всегда тянуло, война закончившаяся действовала, может, инстинкт какой – не знаю. Только желание стрельнуть было неистребимо, прямо чесотка какая-то, честное слово!

* * *

Была у нас и такая забава – дразнить пожарных. Разожжем, бывало, костер под дверью пождепо, дверь чем-либо подопрем и ждем, когда они начнут выскакивать. Тогда мы – врассыпную!

Но однажды они нас здорово наказали. Депо их было двухэтажным, с плоской крышей – с одной стороны высокая стена, а с другой – низкая. Мы любили влезать на крышу – и далеко видно, и пожарных лишний раз подразнить хотелось. А они как-то забрались по пожарной своей лестнице с низкой стороны и стали нас теснить к краю высокой. Деваться некуда: либо сдаваться на милость победителей, либо прыгать на шлак, кирпичи, стекла, что валялись под стенами. И, кроме того, высота приличная, прыгать рискованно. Но сдаться означало быть битыми, и мы все, как один, решили прыгать. Прыгнули, в общем, удачно, один только парень ногу сломал.

Конечно, похулиганить мы были горазды, как, наверное, все пацаны такого возраста. Ацетилен добыть, сделать гремучку, рвануть – все было. Но – не воровали. Ждали, когда с хлебозавода вывезут шлак, чтобы покопаться в нем, попробовать отыскать куски обуглившегося теста.

По весне мать лепешечки нам всякие пекла с травой съедобной – крапивой, лебедой, кореньями разными – все годилось. И развлечения были весенние. Крюком снаряжали железный лист, цеплялись за автобус – и айда по набережной до картонажной фабрики. Ни один водитель не успевал нас настигнуть – пока остановит автобус, выйдет, а нас уже и след простыл. Ищи-свищи. Правда, однажды чуть не доигрались. Лист на ходу стал так сильно раскачиваться, что его то и дело выносило на встречную полосу. Вынесло в очередной раз, смотрим – а навстречу полуторка мчит со страшной скоростью...

Надо заметить, что ни сам Ю. Лужков, ни все прочие авторы не избежали синдрома Павелецкой-Товарной, пересказывая, перепевая «босоное детство» любимого героя на все лады. А когда он мне про все это рассказывал, я невольно обратил внимание на гладкость, последовательность, некую ритмичность его речи. И подумал – правда несколько позже, что он, видимо, рассказывает об этом не в первый раз. Что и подтвердилось, когда он выпустил свою книгу. Его записывающий передал обстановку двора Павелецкой-Товарной тех лет почти теми же самыми словами, что и я. И это не удивительно, поскольку рассказчик был один и тот же.

Так мой отец в возрасте за 80 лет каждый год рассказывал о событиях Гражданской войны, коллективизации – а я ездил на родину 10 лет подряд, чтобы дети запомнили, откуда есть пошли их корни, – повторяя одни и те же эпизоды, почти ничего не добавляя и не придумывая ничего нового.

Когда нынче «польские товарищи» предъявляют претензии за расстрелы их сограждан, вспоминая рассказ отца о том, как сидел он в 1922 году в польском плену, в каких усло-

виях содержали красноармейцев и сколько их умирало каждый день от голода (в основном), холода и болезней. Возможно, цифра в 20 тысяч и занижена!

Отец выжил благодаря тому, что нашелся земляк, который кашеварил на кухне и пристроил моего родителя мыть котлы – это его и спасло.

Коллективизация в нашем селе проходила, как и везде, – самые нищие, самые ленивые и нетрудоспособные жители ходили с маузерами на боку и загоняли людей в колхоз.

– Он приходит с наганом – что ты сделаешь? – разводил руками отец.

Как-то эти ребята пришли к нему и говорят:

– Саш, пойдем к Ваньке клуню ломать!..

– Я эту клуню не строил и ломать ее я не буду, – ответил мой Александр Стефанович, и я горжусь его стойкостью и мужеством.

В тот раз никто за такой демарш отца не тронул, но в 1943 году он все-таки «загремел» по 58-й статье на 10 лет и вернулся после смерти Сталина, в 1955 году.

Теперь убеждайте меня, сталинисты, что репрессий не было.

Ю. Лужков тоже вспоминал, как его отец работал в колхозе в Тверской области.

– Отец, Михаил Андреевич, рванул из своей тверской деревни в Москву сразу после первой голодной зимы, которая пришла на втором году коллективизации. В первый-то год все работали, трудодни отоваривали зерном, так что зимовали сытно, хотя и были босы. А на втором году народ в колхозе задурил. Люди разобрались: чтобы получить трудодень, не обязательно работать до седьмого пота, в коллективе этого все равно не видно. А в результате к весне чуть ноги не протянули...

Как-то спросил Ю. Лужкова: а что это вы не пьете? Во-первых, не по-русски, а во-вторых, извините, вы росли в такой среде, в такой атмосфере, на таком фактическом материале, что Воронья Слободка и описание рабочих в романе «Мать» – просто вершины и архитектуры, и интеллектуальной мысли.

Ю. Лужков думал недолго. Видно, привык к подобного рода вопросам и ответ всегда был под рукой. Он сказал, что в юности прочитал книги Мельникова-Печерского и был старообрядцев настолько ему понравился, а их внутренняя чистота и красота, не говоря уже о преданности Вере и Богу, настолько поразили, что он решил раз и навсегда отказаться от спиртного и табака.

– Наблюдая ваше поведение на публике, оценивая всю деятельность, которая проходит на виду у такого города, как Москва, трудно поверить, что вы такой впечатлительный – под влиянием книжки окончательно и бесповоротно покончили со спиртным. Тем более что к тому времени вы уже должны были знать: на непьющих у нас на Руси смотрят как на юродивых. Может, существует тайная причина?

– Зрелость души и мысли к каждому человеку приходит в его время – к одному раньше, к другому позже. И по зрелому размышлению каждый индивидуум задумывается, как реализовать свой потенциал, который, я убежден, заложен в каждом. А реализовать его можно только на основе самоограничения, отказа от того, что мешает. Но одного размышления и одного понятия мало – нужны воля, желание и упрямство. У меня есть эти три качества. И мне удалось сделать то, что я сделал.

– Вы что, три десятилетия назад знали, что станете первым человеком на Москве?

– Не впервые беседую с вами, и обязательно у вас в запасе находится какой-либо каверзный вопрос, чтобы не сказать хуже. При чем тут знал, не знал... Просто я всегда любил работать – помните, говорил, что нас мама приучила к труду, – и по сей день убежден: трудолюбие – это единственное, что у человека отнять невозможно. Вот вы сами пьете?

– Пятый день в рот не беру, готовлю к печати интервью с вами.

– Видите как! Значит, когда время поджигает и надо многое успеть, рюмка – большая помеха. А мне почему-то всегда хотелось успеть многое, всегда не хватало времени.

– Скажите, вы доверяете людям, которые работают рядом?

– Доверяю, иначе как работать. Делать все самому? Но любой звеньевой на стройке знает, что одному управиться с дневным заданием невозможно – пупок развяжется. Для того и существует аппарат управления, руководители и исполнители, чтобы проводить в жизнь то, что необходимо, что принято и утверждено, что нужно городу и людям, в нем живущим, – убежденно говорит Ю. Лужков.

Я долго верил в искренность его слов о причине трезвого образа жизни. До тех пор, пока не наткнулся совершенно случайно в одном из журналов на свидетельства людей, близко знавших его со студенческой скамьи.

«Сколько мы с ним выпили водки в свое время – мало не покажется! – рассказал журналистам приятель Лужкова по институту Виктор Березин. – На Калужской площади был кинотеатр «Авангард» – там сейчас здание МВД. Рядом с ним стояли палатки голубого цвета (в просторечии – «Голубой Дунай» – *М.П.*), где все продавалось, как теперь в рюмочных. Мы регулярно их посещали. Прогуливали тоже немало. В основном потому, что рядом был парк Горького, а там – пивные палатки, девочки – что еще надо?»

Подтверждает плевое отношение к учебе на первых курсах и сам Ю. Лужков:

– Студенческая жизнь началась бурно. Как всегда, резкий переход от обязательного посещения школы к необязательному вроде бы посещению института сыграл не очень хорошую шутку. Тогда ведь такого контроля за посещением, который ввели позже, попросту не было – староста отмечал присутствие, редкий преподаватель перепроверял его. Конечно, мы тут же начали пользоваться предоставленной свободой, попросту прогуливать. Уходишь из дома как будто на занятия, а сам в кино, парк Горького, благо он рядом с институтом. Студенческая жизнь захватила полностью, особенно, если учесть, что в школе девчонок не было, а тут мы учились все вместе.

В результате еле-еле одолел первый курс, думаю, закончил только благодаря хорошей подготовке в школе. В институте же учеба давалась легче. Две ночи не поспишь, поучишь в круглосуточном режиме – и твердая троечка обеспечена.

К концу второго года обучения понял: если так будет продолжаться, то мне не достигнуть поставленной элементарной цели – окончить институт и получить диплом. Но ни о каких высоких должностях, чинах и прочем я не мечтал и к ним не стремился. Но честолюбие подогревало: чем я хуже тех ребят в группе, которые учатся хорошо?

Так, через два года вольготной жизни я понял, что при ней капитальных знаний не получу, и поэтому начал новую жизнь. Честолюбие подгоняло меня, я стал повторять то, что описал Джек Лондон в «Мартине Идене», кстати, мне этот роман очень нравится.

В дополнение к ежедневному институтскому заданию я отматывал обратно катушку своих нетвердых знаний и учил. К концу второго года начал сильно удивлять преподавателей. Они ведь не знали, что сплю всего 4 часа в сутки, не знали, что буквально палкой мамаша каждую ночь гнала меня спать, перед ее глазами был пример соседской девчонки, которая не выдержала напряженной учебы и попала в больницу. Не секрет, однако, что, взявши зачетку студента, каждый преподаватель сперва смотрит, какие у него оценки, а потом начинает спрашивать. При этом он невольно ориентируется на своих коллег, и больше четырех баллов мне сперва не ставили, но все зависело от меня. А может, они думали, что это временное явление и скоро я снова вернусь на прежнюю дорожку.

Но я сдюжил. Перелом наступил через полгода, в очередном семестре, когда я вышел на уровень отличных оценок. Правда, однажды меня чуть не вышибли. Не знаю, что нами двигало, кроме желания пошалить, похохмить. Короче, с Витей Березиным, дружкой моим, пошли сдавать зачет по оборудованию не под своими фамилиями. Он прикинулся Лужковым, а я – Березиным. Причем никакой особой идеи в этом поступке не было, никаких, как сказали бы теперь, корыстных устремлений. Просто от избытка сил и молодости затеяли мы

подобное действие. Но преподаватель, которому сдавали, нас вычислил. Это было нетрудно, так как мы ходили к нему на семинары и он нас знал в лицо.

И подал докладную ректору. Такие штучки карались в то время сурово. Ректор Кузьма Фомич Жигач был добрейшей души человек, долго нас он расспрашивал: зачем один и тот же зачет в одно и то же время сдавать одному и тому же преподавателю, да еще не под своей фамилией? Что мы могли сказать на это? Мы и сами толком не знали, зачем так сделали. Словом, Кузьма Фомич нас понял, приказ о нашем отчислении не подписал, зато нас с Виктором этот случай здорово отрезвил – мы поняли, что переступили грань, за которой начинается недозволенное.

И продолжали с интересом учиться. Сопромат до сих пор помню, могу и сейчас балку рассчитать, эпюру построить, многое помню. Или взять такую чудесную науку, как металловедение, или лекции по приборам, нефтяному оборудованию. Среди преподавателей не было равнодушных людей, они были увлечены своими предметами, и увлечение их передавалось нам. Профессор Лапук, например, читал гидравлику. Наука еще та, сложная, сплошь формулы, режимы. И эту сухую информацию он подавал так, что к нему на лекции народ сходился как на представление – всегда было больше людей, чем числилось по спискам групп.

Помню случай, когда профессор завоевал большой авторитет, сказав всего одну фразу. Надо заметить, что занимались мы часто в неподходящих для этого условиях (снимали помещения, где находили), часто поздно вечером, в третью смену. Сидим однажды в аудитории – и свет погас. Самый подходящий случай себя показать, хотя на людей посмотреть невозможно. Студенты ведь не только интеллигентный народ, но еще и едкий. Вот один из одноклассников в темноте громко заметил: «Темно, как у негра в...» Кто-то хихикнул, кто-то испытал неловкость, но остроумнее всех оказался преподаватель. Он сказал: «Мне очень хотелось бы познакомиться с человеком, который везде побывал!»

Причем сказал он это вслед за фразой студента, тут же, не задумываясь, не воспитывая, не изображая обиженную нравственность. Можете себе представить, как вырос после этого его авторитет в студенческой среде, а случай этот еще долго имел хождение в Москве как анекдот.

Не однажды приходилось мне применять на практике полученные знания. И удивляюсь, когда говорят: институт ничего не дает, учиться, дескать, не обязательно. Ерунда все это! Если знания глубокие, а работа связана с полученной специальностью, то применение знаниям всегда найдется.

А вообще учеба мне запомнилась как большой и светлый праздник. Бывали всякие минуты. Например, выходила у нас подпольная газета, такая тетрадочка, передаваемая из рук в руки, всякие штучки в ней публиковались. Пристал как-то комсомольский секретарь: покажите, дескать, что там у вас. Мы поняли: атас. Стали искать газетку побезобиднее, отдали, все на этом и кончилось, слава богу.

Каждое время рождает свой взгляд на студенчество, условия их жизни. В наше время в основном это были бедные, малообеспеченные люди, зато веселые и бесшабашные. Если кто-то из ребят начинал выкобениваться, его быстро ставили на место.

Питались во время занятий пирожками, выходила крупная такая тетя каждую перемену, выносила пирожки с повидлом и мясом – полтинник все удовольствие. А кому нужны были деньги – пожалуйста, на линию, там заработаешь, чтобы потратить на вечеринку.

Пришлось побывать и на целине: когда учился уже на четвертом курсе, отряд из 57 человек отправился в Казахстан, возглавлял его известный теперь человек Владиславлев – он тогда в комсомоле заворачивал. Условия были невероятные. Я поранил руку, а до центральной усадьбы – 40 километров, естественно, никто меня туда не повез.

Приезжал в отряд член ЦК компартии Казахстана Беляев, убеждал, что надо хорошо работать, что очень важно собрать урожай. Я слушал-слушал, а потом и говорю: мы, дескать,

сюда затем и приехали, чтобы не дать пропасть урожаю, нас подгонять не надо, и это была сущая правда, я даже знак получил «За освоение целинных земель» вместе с однокашником Борисом Захаровым. Ребята потом его носили по очереди на экзамены: посмотрит преподаватель – целинник, глядишь, поблажечка выйдет. Хотя, как правило, такие трюки мало помогали.

Да, а Беляеву этому я и говорю: вы лучше скажите, почему здесь выращивают море пшеницы, а продают только ржаной хлеб с песком, от которого целый день на зубах хрустит. В автолавке – только конфеты «Золотой ключик» – на всю жизнь след оставили на зубах. Ботинок – и тех нет, хотя многие из нас порядком поизносились, бродили без обуви, зато у каждого карманы были набиты деньгами, мы бы сами себе могли все купить.

Реакция секретаря была моментальной: вы, дескать, работник тут временный, вам не положено никаких таких товаров, лучше бы слушали, что вам старшие говорят.

А вам бы, возражаю, постоять у штурвала комбайна, да пыль поглотать, да камни бы поотбрасывать, да зерно жевать из бункера вместо хлеба.

Он быстро свернул программу и с собой увез Владиславлева, требовал исключить меня из комсомола, передать протокол в институт, чтобы тоже выгнали. Саша Владиславлев собрал комсомольскую организацию, меня обсуждали, но вожака не поддерживали. Я со своим упрямством заявил: виноватым себя не считаю, Беляев не ответил на мои вопросы, вы все тому свидетели. Не очень настаивал и сам Саша на том, чтобы меня исключили. Ограничились замечанием, но преследовали меня до самой Москвы, говорят, даже были попытки из Алма-Аты надавить на институтское начальство, чтобы меня выперли, но подробностей я не знаю. А может, учитывая, что я учился хорошо, они на все это махнули рукой. Язык мой не раз меня подводил. Помню, однокашник Борис Стальнов пригласил отобедать у него дома, мы, ясное дело, не отказались. Отец у него был полковник КГБ, мамаша приветливая. Все было хорошо до того момента, пока я не шмальнул про Сталина, про репрессии: дескать, он не должен нами так почитаться, как теперь. Полковник побелел, а жена его чуть не выронила из рук гору тарелок. Правда, и на этот раз все мне сошло с рук, хотя Борису, думаю, досталось. Чтоб знал, кого в дом приглашал.

Учеба закончилась как-то неожиданно, и не таким распределением, о котором я мечтал. А мечтал я пойти «пускачом», то есть запускать автоматику новых комплексов, новых нефтяных промыслов, производств. Во сне видел себя в этой роли, и все вроде бы должно было получиться.

Я шел на распределение четвертым и мог надеяться, что мечта осуществится. Ведь при распределении первый выбирал из списка то, что хотел, второй – кроме того, что выбрал первый, и так далее. Никто не позарился на мое место. Но едва я вошел, как мне сказали: а вас мы направляем на ВНИИпластмасс, поскольку пленум ЦК проголосовал за химизацию и прочее, и прочее. Я отказался. Это, говорю, несправедливо. И ладно бы метил на тепленькое местечко, а то ведь согласен был на грязную, тяжелую работу, лишь бы по душе. А мне: вы, товарищ, не понимаете задачу, поставленную партией и правительством. Идите и подумайте. Примерно через месяц позвонила секретарша декана: Юра, говорит, ты можешь остаться без диплома, комиссия из министерства решает, что делать с теми, кто отказался.

Я говорю: хрен с ним, пиши, что согласен, вспоминает бывший мэр.

Что в его рассказе правда, а что есть вымысел, никто, кроме него самого, сказать теперь не сможет. Другое дело, что все у него сложилось впоследствии благодаря такому распределению, как говорят некоторые, «в елку». Можно также предположить, что его не отправили в Сибирь по просьбе тестя, перед которым ходатайствовала его дочь – жена Ю. Лужкова Марина. Сам молодой специалист или не знал об этом, или сделал вид, что ни слухом, ни духом, ни каким боком.

Как бы то ни было, а связи с ВНИИпластмасс оченьгодились и были восстановлены после того, как предпринимательница Е. Батурина решила наладить пластмассовый бизнес. Ю. Лужков принимал директора института, и речь на встрече шла, скорее всего, о практической помощи в налаживании производства по выпуску «прибамбасов».

Не приходится сомневаться и в достоверности фактов злоупотребления спиртным, о которых пишет «Компромат RU», потому как фамилию В. Березина приводят и журнал, и сам Ю. Лужков. Значит, персонаж этот не выдуманный, а реально существующий.

А как причудливо порой пересекаются интересы и судьбы людей! Бывший мэр Москвы убирал урожай на целине, награжден за этот подвиг соответствующей медалью. На месте бывшей столицы целины Целинограда возникла новая столица свободного Казахстана – Астана. Здесь Е. Батурина – конечно, исключительно благодаря своему личному обаянию и деловым качествам, а не потому, что она жена бывшего целинника и мэра Москвы – построила самые престижные объекты в центре города. Интересно, за свои деньги или за счет бюджета дружественной республики Казахстан?

Упомянутого в рассказе А. Владиславлева после краха бывшего государства и политического устройства Ю. Лужков пристроит в свое «Отечество» на хорошую должность, а я напишу ему письмо с просьбой заступиться за меня перед его нынешним патроном, который типа не сможет вам отказать в память о той услуге, которую вы ему оказали в далекой юности.

Не ответил. А мне стыдно, что просил.

А В. Березин продолжает: «Когда в комнате мы пели, то Юра любил поорать. (Вот где истоки «успехов» Ю. Лужкова на эстраде. – М.П.) Хотя к музыке особого интереса не проявлял».

О горячей любви Юрия Михайловича к песнопениям долгое время никто не догадывался – до тех пор, пока в кругу самых приближенных не оказался Иосиф Кобзон. Он-то и приобщил своего друга к шоу-бизнесу, выступлениям на сцене с сольными номерами и дуэтами. Вот как описывает одна из газет открытие еврейского праздника Хануки на Манежной площади: «Первым почетное право зажечь менору предоставили Юрию Михайловичу, что он и сделал с явным удовольствием, хотя и не без физического напряжения – менора оказалась высоковата. Грохнул фейерверк, на сцене запели еврейские песни. Юрий Михайлович стал подпевать, активно жестикулируя и даже пританцовывая. Публика подхватила инициативу и закружилась в танце, на ходу расплескивая кофе из пластмассовых стаканчиков».

Молодцы евреи! Не знаю, как там у них внутри сообщества, а снаружи они смотрятся единым организмом. Должно быть, после 40 лет скитаний по пустыне они так сплотились, что до сих пор кажутся нацией не разлей вода. А уж их отношению к родственникам, к родителям нам, русским, еще учиться и учиться.

Это же какое влияние надо иметь на мэра Москвы, чтобы заставить его «зажигать» на подобном празднике на виду у изумленной столичной публики...

Чьи лавры на сцене не давали Ю. Лужкову покоя? Зачем ему нужна эта дешевая слава с песнями в приличных собраниях? Ведь наверняка в своем кругу и певцы и музыканты подсмеивались над подобной слабостью мэра, над его стремлением продемонстрировать достоинства своего вокала.

Хотя сам он в других людях осуждал подобные кульбиты.

– Зачем он сунулся в политику? – спрашивал меня про В. Шинкарецкого, работающего на московском канале TV и ринувшегося в депутаты гордумы. На следующий срок его не избрали – и что?

– Сидел бы на месте, поливал бы меня с экрана говном – и все у него было бы в порядке. А теперь? – задавал он вопрос то ли мне, то ли самому себе, то ли вообще в никуда.

Ни от меня, ни от себя, ни оттуда, ни от самого бывшего депутата ответа он так и не дождался.

А себе самому он когда-нибудь ответил на вопрос: зачем? Он, самолюбивый профессионал, стремящийся делать все лучше других, вдруг стал на седьмом десятке учиться играть в теннис. Да еще и в репортаже по ТВ с Красной площади. Впечатление угнетающее, должен я сказать, а зрелище жалкое, хотя в старании правильно держать ракетку – сам ведь Ш. Тарпищев учил – стремлении ударить сильно и навывлет отказать нельзя. Но как он сам не раз подчеркивал по поводу других ситуаций, одного стремления и старания тут маловато будет. Нужны многолетние – с детства – тренировки, помноженные на упорство и талант именно в этом виде спорта. И как бы он ни пыжился, доказывая, что самостоятелен и независим, факты говорят об обратном.

Характер-то характером и останется, а вот конъюнктуру им не перешибешь. Президент Б. Ельцин играл в теннис – и вся чиновная рать схватилась за ракетки, и даже ее «независимое» и «оппозиционное» крылья. Президент В. Путин катался на лыжах – даже для собственного удовольствия придумал зимнюю олимпиаду в Сочи, куда провалится половина народного достояния России безвозвратно, – и чиновная рать кинулась расхватывать лыжные ботинки и фирменные лыжные палки – у кого фирма круче. Как в той присказке: «оказалась лохмаче у самой хозяйки дачи».

Не смог отстать от этого паровоза и Ю. Лужков – встал-таки на горные лыжи. Может, и правильно. Ведь Тирольские Альпы располагаются в Австрии и из нового родового гнездышка, что в этих самых Альпах, до горнолыжных трасс подать рукой.

«Мы все безродные», – утверждает бывший мэр Москвы, и он тысячу раз прав. Как безродный отпрыск бывшей окраины Москвы полвека гонял футбольный мяч – ну и гоняй, пока сил хватает. Ан нет. Попер в аристократические виды, чтобы быть поближе среди приближенных, среди посвященных, среди привечаемых. Но, оказывается, стремление быть поближе к телу не всегда спасает. Не сумел раскусить слабости нового президента, не подстроился, не перестроился, не модернизировался – и поплатился. Следовало публично сломать теннисную ракетку, повесить на гвоздь горнолыжные ботинки, изогнуть кольцом фирменные палки – пропади они пропадом – и форсировать новое увлечение в команде нового президента. Прозевал. Потерял, что называется, нюх. Или объелся самодовольством: мы – Москва, мы – мэр Москвы, величина постоянная, как произведение мысли на бетон. Посмотрите, что мы из этого бетона на Москве сотворили, сколько мы из этого бетона с супругой намыли, и тогда вам, господа новые, станет понятным, почему я не ломаю ракетку и не вешаю ботинки на гвоздь, – сила есть, умом Бог не обидел, прорвемся, как было уже не раз.

Не прорвался. Вылет с такой формулировкой из такого кресла иначе как позором не назовешь. Хорошо с пенсией, хотя сам он вышибал людей даже без выходного пособия.

Другой однокашник Ю. Лужкова, Б. Захаров, вспоминает:

«Очень любил он и компанию. Мы ходили на танцы, играли в преферанс, причем Юра играл очень своеобразно. Как вспоминает один из его друзей в интервью журналу «Профиль»: если Лужков проигрывал каких-нибудь пять рублей, то потом заставлял тебя играть сутками, пока свои деньги не отыграет».

А отец, как известно, лупил сына не за то, что проигрывал, а за то, что отыгрывался. Азартен, Парамоша, ох как азартен! И этот свой азарт, неумную жажду взять реванш он выплеснул и на улицы города, тщательно, впрочем, маскируя свои истинные цели и намерения. Какие?

«Игорный бизнес, – утверждал бывший мэр Москвы, – это полный разврат и моральное уродство. Я поддержу любое радикальное решение этого вопроса!»

Так он говорил как мэр и как человек, как отец своих детей и дед своих внуков. Возможно, под влиянием каких-то привходящих обстоятельств говорил искренне. Но азарт

игрока, знающего ущербную психику других игроков, победил поползновения совести и благородства. Голосуя левой рукой против азартных игр, правой он подписывает распоряжение о внедрении системы «Джек Пот» в Москве. В нем есть совершенно замечательные пункты:

«4. Префектам административных округов оказывать содействие в реализации экспериментального проекта «Джек Пот», в подборе и согласовании в установленном порядке мест для размещения залов автоматов вблизи от выходов станций метро, торговых центров, ярмарок, на привокзальных площадях, а также мест для установки рекламных щитов.

5. Московскому метрополитену по заявке ООО «Джек Пот» выдать технические условия на обустройство открытых выходов из метрополитена для организации на полученных площадях залов игровых автоматов.

6. Предложить ГАО ВВЦ, ОАО «Лужники», ОАО «Экспоцентр», Московской железной дороге рассмотреть вопрос о размещении залов игровых автоматов на подведомственной территории».

Достаточно? Есть еще поручения Москомархитектуре, Москомзему, телевизионщикам и милиционерам – короче, всем, абсолютно всем городским службам и структурам предписывалось включить зеленый свет на пути этой разлагающей и уничтожающей личности системе.

Это не казино, где играют с жиру взбесившиеся олигархи, блатные телки, располневшие банкиры и криминальные авторитеты. Это заведения на потребу обывателю с пятеркой в кармане. Мой сосед по лестничной клетке в те времена, когда практиковался широко метод «на троих» встречал на станции «Солнечная» знакомых мужичков, чтобы заманить в гастронорм.

– Слушай, – говорит мне, загадочно улыбаясь, – у меня есть рубль, скинемся?

– Вася, – отвечаю, – у меня есть трояк в кармане – и что? Я только поэтому должен идти и выпить?

Психология, уровень восприятия порока у каждого человека свой, как и способность к раскаиванию и самобичеванию. Еду с молодым парнем от станции «Очаково» домой. Вдруг ни с того ни с сего он начинает ругаться и едва ли не плевать в салоне собственной машины.

– Да что с тобой? – спрашиваю.

– Посмотри направо...

– Посмотрел...

– Что видишь?

– Зал игровых автоматов. 24 часа.

– Чтoб он сгорел, этот зал! Я вчера ночью оставил здесь зарплату и командировочные, никуда не смог уехать. Теперь вот вынужден «бомбить», чтобы заработать на билет и семье что-то оставить...

– А зачем играл-то?

– Ну как зачем? Зашел из интереса, вроде просто так. Сыграл, выиграл прилично, еще захотелось. Проиграл, стал отыгрываться, да так и просадил все до копейки...

Этот что-то понял, пытается заработать, благо есть автомобиль, поклялся никогда больше не брать в руки фишки, хотя – не факт. А сколько бедолаг попали в сети этих одноруких бандитов благодаря «гуманному» распоряжению мэра Москвы! Психологи и врачи констатировали, в конце концов, появление в столице новой болезни – игромании. Появились в газетах объявления шарлатанов – «избавлю от игромании». Вот что натворил любимый московскими бабушками мэр Москвы.

Вчитайтесь внимательно в его фразу об игорном бизнесе, он ведь не сказал «я категорически против», а обтекаемо: «поддержу... решение». Не он, выходит, должен заботиться

о горожанах, которые доверили ему руль управления – пусть и опосредованно, через главу государства и городскую думу, но ведь доверяли и на прямых выборах. В конце концов он так «поддержал решение» федеральных властей о ликвидации этого спрута, что автоматные прибежища до сих пор спокойно функционируют под разными другими вывесками и соусами. Казино ушли в подполье, а «автоматчики» трансформировались.

Да они никогда бы и не расплодились в таком несметном – на каждом углу – числе, если бы не подобное – подробное, грамотно и целенаправленно составленное, возможно, сам Ю. Лужков его и правил (посмотреть бы черновики), распоряжение мэра.

Кто хоть однажды, хоть раз в жизни пытался поставить в Москве какой-нибудь – один! – сраный киоск, тот знает, чего это стоит. И морально, и материально. Выбрать и согласовать место – в Центральном округе, на вокзалах, в Лужниках, на ВВЦ никто не даст – оформить этот несчастный клочок земли и заключить с городом договор аренды, благоустроить территорию и утвердиться на ней, подключить коммуникации, в первую очередь электроэнергию. А ее зачастую даже за взятку не подключают, ссылаясь на дефицит.

Еще бы не дефицит! Застройщики ковали деньги в течение 15 последних лет без оглядки. И только имеющие доступ к телу своевременно могли подключить все коммуникации без проблем. Прочим приходилось ждать – а на этом фоне страдали и дольщики – годами. И спросить не с кого – дефицит!

Если бы городские власти и лично бывший мэр хотели ликвидировать на теле города такую раковую опухоль, как игровые автоматы, они бы это сделали, как говорит один мой приятель, «слегонца». Стоило только не пролонгировать договора на аренду земли под помещениями игровых автоматов или, сославшись на форс-мажорные обстоятельства в виде федерального закона на запрет функционирования игорных заведений, досрочно в одностороннем порядке прекратить действия договоров – и все было бы кончено.

Пишу об этом с полным знанием предмета, поскольку испытал на опыте, по сути, рейдерского захвата сети распространения периодической печати АРП «Тверская, 13». Чтобы ее создать и развивать, потребовались серьезные усилия – подробнее расскажу в главе, посвященной бывшему мэру Москвы как политику, а чтобы сохранить, сил не хватило!

Одна песня, когда ты при должностях и регалиях, и совсем другая, когда ты в глазах чиновников никто. А в их глазах всякий обыватель, не принадлежащий к чиновному племени, – никто. Если же ты еще и бывший и в опале – то хана, пиши пропало, все отнимут, ничего вроде бы при этом не нарушая.

Схема может работать безотказно в любой сфере хозяйственной деятельности – хоть в отрасли космической, хоть обслуживающей общественные туалеты. Стоит тому, кто вхож, положить глаз на вашу собственность, и можете считать, что вы ее уже потеряли. И это при всех заверениях Ю. Лужкова о священном праве на частную собственность (скорее всего он имел в виду то, что принадлежит ему лично и его Семье), о поддержке малого и среднего бизнеса, развитии частной инициативы и пр., и пр.

Схема простая, как мычание, – запоминайте предприниматели всех уровней и всех мастей. На имя мэра (префекта, главы управы) практически любой гражданин пишет донос, где может указать любую причину, по которой тот или иной субъект хозяйствующего права не может более принадлежать господину N, а его следует передать в ведение структуру господина X. Естественно, для пользы дела и в интересах города.

В случае, о котором я рассказываю, господин Черненко, мой преемничек на посту главного редактора «Тверской, 13», накатал такую бумагу на имя Ю. Лужкова, закинул ее С. Цою, и тот, прихватив для веса и с учетом личного интереса представителя в Совете Федерации от Омской области, «вошел» к бывшему мэру. Мотив – вернуть киоски по распространению печати городу. Результат: собственность перешла в частные руки, а не городу, киоски за один день перепродали ООО «Технология строительства», за спиной у мнимых владельцев есть

настоящий – бывший заместитель С. Цоя господин Л. Крутаков, который сам ничего не подписывает, нигде не светится, но является фактическим владельцем захваченного неправовым насильственным путем имущества. Тут вам и времена, и нравы, и «законопослушный» мэр. Думаю, подобных примеров в Москве сотни. Если не тысячи. Поэтому в случае с игровыми автоматами все понятно: чиновники не хотят, а не не могут их ликвидировать. Потому что слишком много людей кормится через ту щель, куда трясушаяся от нетерпения, от неистребимого желания выиграть все и сразу, здесь и сейчас рука опускает последнюю пятерку. Тем более что в зале соблюдены все параметры комфорта для городского жителя: и зона «шаговой» доступности, и свобода принятия решения индивидуумом – играть или не играть, и яркая, броская, призывная реклама, и внимательный – не то что в городских присутственных местах – персонал, и индивидуальный подход – только играй, только проигрывай.

Если бы кто-нибудь на любом уровне в государстве – а начать нужно с Москвы – подсчитал стоимость вилл, яхт, апартаментов, самолетов в собственности у чиновников и членов их семей и сумел бы вернуть хоть часть украденного, не нужно было бы идти по миру с протянутой рукой и брать займы, не пришлось бы краснеть лидерам государства, подписывающим бумаги на увеличение (ха-ха-ха!) пенсий старикам, на смехотворные суммы материнского капитала, который, пока ребенок вырастет, весь сожрет инфляция.

Половинчатость мер во всем, расплывчатость формулировок тех законов и постановлений, которые призваны бороться с воровством и откровенным расхищением природных ресурсов, показывают истинное лицо наших «слуг народа» – они обслуживают сами себя, сохраняют свое благополучие и свои капиталы, нажитые несправедливым трудом. Хотя каким трудом? Грабительским обманом, чубайсовскими пируэтами и чиновничьим беспределом. И самое удивительное, что все все знают, но никто ничего не делает. Вернее, власти представительные, исполнительные и судебные делают все, чтобы положение вещей не изменялось и чтобы наш терпеливый народ можно было и дальше грабить безнаказанно, беспощадно и безответственно.

Извините, вроде бы отвлекся от основной темы, но уж в самом деле наболело и молчать об этом не могу. Да при ближайшем рассмотрении окажется, что ссылки Ю. Лужкова на несовершенство федеральных законов и бездействие российского правительства – только ссылки и не более того. Никто ведь не заставлял его такими темпами развивать порочную практику игры в отъем последних копеек у москвичей, никто не препятствовал праву законодательной инициативы по любым вопросам жизни в городе и стране. Но прыгать на еврейских праздниках, гонять шары и мячи гораздо приятнее, чем бодаться с вышестоящими чиновниками и трепать себе нервы на почве стремления к улучшению жизни москвичей.

По поводу воспоминаний однокашников Ю. Лужкова могу заметить вместо комментария (а что здесь комментировать?), что в жизни бывает всякое: пил-пил человек, а потом одумался, окружающие списывают ему грехи молодости, и вот он уже передовик, ударник коммунистического труда, целинник-медалист и примерный семьянин.

Другое дело, как впоследствии он представляет широкой публике свое исцеление – как подвижнический труд на морально-нравственном и духовном фронте либо честно и прямо признается: да, граждане, мудака я был в молодости законченный, чуть не умер на почве пьянства, а потому – во имя здоровья, семьи и служебной карьеры – решил завязать. И ничего предосудительного в этом нет. Б. Ельцин всему миру показывал свои таланты на поприще истребления спиртного – может, хотел выпить все, что производит «Кристалл», и дожидаться наступления момента истины, трезвости то есть. Не дождался. Думаю, бывший президент бывшей великой страны просил прощения у своего народа не только за ее развал, не только за передачу власти в руки воров-управителей-перерожденцев, не только за Чечню, но и за свой внешний и внутренний облик. Так позорить страну, которой управляешь, не осмеливались ни один царь, ни один Генеральный секретарь ЦК КПСС.

И ведь ничего! Народ наш сдюжил. Даже избрал еще на срок. «Он наш, пьяненький, пусть рулит», – так или примерно так думали граждане страны, когда тянулись к урнам для голосования. Дорулился...

Мог бы и Ю. Лужков признаться, что, как пишет тот же журнал, «его пагубное пристрастие к алкоголю становилось все очевиднее и обернулось маленьким скандалом. В 1973 году Юрий Михайлович поехал в заграничную командировку в Венгрию. Магьярские товарищи, как и полагалось в те времена, накрыли великолепный стол с токайскими винами. И у Лужкова прямо во время застолья случился инсульт... Со спиртным он завязал после этого скандального случая».

И, коль пошла такая пьянка, расскажу об одном забавном эпизоде по теме. Как-то я napросился на прием в субботу или даже воскресенье – не помню, поскольку в те годы он почти не делал различий между буднями и выходными. Ему надо было зарекомендовать себя в глазах начальства и собственных чиновников, узнать наконец Москву, этого монстра, этот городище со всеми его потрохами, чтобы ни одна б..., как он однажды выразился, не могла его обмануть.

Это потом он начнет потихоньку сворачиваться, больше представлять, чем работать, лечиться в больницах и отдыхать в отелях Кипра, играть в теннис, падать с лошадей, гонять на даче печников, которые сложили печку не так, как он умеет сам, подружится с Российским Еврейским Конгрессом и суррогатным автором своей книги «Мы дети твои, Москва», будет настойчиво учиться приличному поведению в приличном обществе, в чем немало преуспеет. Его, безродного, даже удостоят княжеского звания. «Липа», конечно, но приятно. Но прежде чем рассказать о том, почему «липа» и о собственном опыте «хождения» в князи, напомним, что слово «князь» обозначает вождя племени, правителя государства или государственного образования у славян и некоторых других народов. Были на Руси великие княжества во главе с великими же князьями. Был и светлейший князь – А. Меншиков.

В XVIII веке в России был введен почетный дворянский титул «князь», который (внимание!) «жаловался царем (!) за особые заслуги». Титул был отменен в 1917 году специальным декретом, который назывался «Об уничтожении сословий и гражданских чинов».

В один прекрасный день ко мне в офис на Новом Арбате, 21, заявился представительного вида господин, на визитке которого значилось: « _____ ».

– Чем обязан такому вниманию к моей скромной личности со стороны столь высокой инстанции в иерархии прежней власти?

– Да почему прежней? – возразил мой визави. – Мы и сегодня имеем достаточно сил, средств и авторитета, чтобы влиять на принятие решений на самом высоком государственном уровне.

– Даже так?

– Конечно. Вы не представляете, какое нынче развернулось мощное движение за возрождение монархии, и мы намерены добиться коронования Ельцина на русский престол.

– Но это же полный абсурд, – возразил я. – В нем нет ни капли не только царской, но даже и дворянской крови.

– Ничего страшного. Признанный наследник либо наследница престола возведут его в дворянское достоинство с титулом графа или князя – и можно будет вести переговоры о престолонаследии.

– Но у него нет сына, – не сдавался я.

– Зато есть внук Борис. Дочь может быть при нем регентшей, вы же знаете, истории такие примеры известны.

– Знаю, но не уверен, что наше общество готово нынче вернуться к монархии.

– Ну, об этом можно спорить, а мировая практика показывает, что страны с монархическим укладом более устойчивы к перемене политического устройства, более стабильны

в рамках общественного строя. Приезжайте в наш офис, он недалеко, поговорим о вашем будущем титуле, – откланялся князь.

Я согласился, но прежде чем поехать, проконсультировался со знающими людьми. Оказалось, что подобных организаций, каковую представлял явившийся мне князь, – множество. Между ними идет постоянная борьба за сферы влияния, за утверждение собственной идеологии, стратегии и тактики в продвижении к конечной цели – утверждению на Руси монархии с воцарением на престоле истинного наследника. В этом все ветви царствующего дома согласны. Нет только согласия в том, кто же настоящий наследник. Равно как нет единого координирующего их усилия центра – амбиции, честолюбивые устремления представителей различных ветвей Дома Романовых не позволяют им объединиться под общим флагом Российской империи – все хотят быть первыми и никто – последним.

Подтвердилось и положение о том, что дворянство и титул к нему может жаловать только особа царских кровей и только в случае, если она признана правопреемником престола. Никакие другие организации, как бы они себя не называли, никакие частные лица раздавать, дарить, продавать титулы и звания, вводить в сословия не имеют права, все подобные шаги, мероприятия считаются не имевшими места быть, а звания и титулы признаются ничтожными.

С тем я и поехал к моему новому знакомому. Офис организации размещался в жилом доме у Белорусского вокзала, обстановка в нем не княжеская и уж, конечно, не царская – я видел помещения, обставленные куда шикарнее и пышнее. Здесь, правда, присутствовали атрибуты, долженствующие убедить посетителя в том, что он попал именно туда, куда и стремился, – в очаг прежней культуры и чертоги прежней власти.

На стенах висели грамоты в рамках и с печатями, свидетельствующие о том, что такому-то имярек присвоен высокий титул князя или графа. И на самом деле среди нареченных немало было известных фамилий, среди которых помню Жириновского и Лужкова.

Признаться, удивился. Зачем ему при полусотне почетных званий различных университетов и академий, в том числе и зарубежных, обремененному учеными степенями и регалиями, увенчанному не шутовскими, а настоящими колпаками солидных научных обществ, объединений и учреждений, эта, как мне показалось, совершенно бутафорская затея! Тем более что не мог он не знать, что это все фикция, а сама грамота – филькина. Но – повелся. Не только азартен, но и тщеславен, Парамоша...

– Так он же пролетарий, – говорю князю, разглядывая грамоту.

– Ну и что? Его заслуги перед обществом, перед москвичами, перед гражданами так значительны, что мы решили присвоить ему этот титул. (По-моему, не князя, а графа. Точно не помню, врать не буду. Скажу лишь, что графский титул дороже.)

– Я спрашивал знающих людей. Все в один голос утверждают, что правом наделять титулами обладает только государь император. В нашем случае – наследник престола. Кроме того, в Европе полно организаций, подобных вашей. Они что, тоже раздают титулы?

– Раздают. Но они не имеют права. Только мы уполномочены Домом Романовых, и в уставе у нас это записано!

– Да в уставе можно записать все что угодно, я сам сочинил уже не один устав, знаю, что это такое.

– Это беспредметный разговор. Давайте перейдем к делу.

– Давайте.

– Я предлагаю вам приобрести поначалу княжеский титул с последующим превращением его в графский. Хорошо звучит – «его сиятельство граф Михаил Александрович Полятыкин!»

– Звучит действительно неплохо. Но ведь я не пролетарий даже, я – крестьянин. Какой из меня граф? Я и вилку держать не умею.

– Научитесь, не боги горшки обжигают. Отправим вас в Париж, там наши люди помогут вам адаптироваться среди этого общества.

– Я, конечно, вам искренне признателен, но пока не готов принять высокое достоинство. Побуду еще какое-то время крестьянином. А как только внутренне созрею – сразу к вам, – откланялся я.

Надеюсь, что Ю. Лужков с присвоением высокого титула забыл свои замашки «дуче», как называли его когда-то периферийные сотрудники «Химавтоматики» за диктаторский стиль руководства и поведения, перестал поедать голыми руками деликатесы с бумаги в гостиничных номерах и в присутствии замерших в почтении чиновников.

Я не психиатр, но могу предположить, что именно отказ от спиртного превратил бывшего «рубаху-парня», душу любой компании в неуправляемого начальника-монстра, которому все позволено. Быть постоянно нацеленным на карьеру, на достижение результата любой ценой очень даже непросто и очень для психики накладно. Но у Ю. Лужкова цель всегда оправдывает средства. И как умный человек он не может не понимать, что достижение цели безнравственными, преступными средствами, с помощью всепроникающей коррупции, взяточничества и цементирования бюрократического аппарата с его полным, безоговорочным, лакейским подчинением себе любимому не может не отразиться на внутренней сущности, не может не способствовать потере человеческого лица и морального стержня тем, для кого хороши все средства и методы в достижении цели. Даже если она и благая. Или кажется таковой.

Выход энергии, снятие стресса необходимы каждому нормальному человеку, а работающему в режиме перпетуум-мобиле, как Ю. Лужков, особенно. Возможно, именно грубость по отношению к подчиненным спасает его от стрессов.

Вот что он сам говорит по этому поводу:

– Я не могу принять по отношению к себе определение «конфликтный». И жесткость, и конфликтность в характере присутствуют. Однако конфликтую я исключительно в интересах дела, которому служу и которое стараюсь по мере моих сил делать добросовестно. Я не думаю о том, как выгляжу в тот или иной момент на работе, не забочусь о последствиях того или иного шага, если вижу препятствия на пути к цели. Для меня дисциплина исполнения – основа действия, основа продвижения на любом направлении. Принципиально для меня – сделал или не сделал, а молишься ты в православном храме или посещаешь мечеть – для меня безразлично, – подчеркивает он.

Пора, однако, вернуться и к нашим баранам – эпизоду со спиртным.

Было около одиннадцати утра, когда я приехал в дом на Тверской, 13, и почти сразу был принят, поскольку до того встреча не раз откладывалась, переносилась и отступать было некуда – речь шла о беседе, которая должна была послужить дополнительным материалом для одной из глав моей книги «Тореро в кресле мэра».

Ю. Лужков сразу пригласил в комнату отдыха, где стоял наготове электросамовар, чашки, наструганные во множестве бутерброды на любой вкус – лет несколько назад был только один вид – с колбасой. Пока мы разогревались, пока я готовил хозяина подсобки к откровенности в интервью, пришел В. Ресин. Увидев кипящий самовар и накрытый стол, присвистнул.

– Вот это закуска...

На что я быстро отреагировал:

– Да кто ж нальет-то...

– А ты будешь? – спросил хозяин.

– Почему бы мне и не быть? Я не скрываю видимых пороков, но тайных нет при этом у меня, – процитировал я строчки собственных стихов. – И потом – у меня выходной день, имею право.

Ю. Лужков встал, протиснулся между нашими ботинками – боковушка для его масштаба просто крошечная – подошел к холодильнику, достал бутылку «Столичной» с черной этикеткой.

– Мне тащат, а я-то не пью, – не то с гордостью, не то с горечью констатировал он, наливая при этом водку в фужер для шампанского. – Извини, рюмок не держу...

Я с должным уважением отнесся к посудине, в которую налили, мысленно прикидывая, что с этим делать. Выпивал когда-то одним взмахом руки граненый стакан, но с тех пор многое изменилось во мне. Да и вокруг.

Сделал три глотка, поставил, закусил. Включил диктофон и задал первый гадкий вопрос. Сделал еще три глотка, поставил, закусил, задал следующий вопрос. Оценил удобство такого конвейера – не надо отвлекаться на посторонние разговоры типа: подавай стопку, наливать буду, да и самому не надо ее подставлять. Опять же: никто не считает, сколько ты уже опрокинул стопок, и не будет мыть тебе кости по этому поводу. Тот же приятель юности Ю. Лужкова, что рассказал про «Голубой Дунай», до сих пор помнит, как они за один заход принимали по 10 стопок в 50 граммов каждая.

Прошло больше часа. Вошел А. Музыкантский, за ним толпился еще кто-то из тех, кому позволялось сюда заглядывать, – таковых, кстати, были единицы. Я понял, что пора уходить.

– Все, – говорю, – я пошел, спасибо.

– Ты куда? – спросил хлебосольный хозяин, – а допивать кто будет?

– Да мне не выпить столько...

– А мне что, из фужера обратно в бутылку ее выливать?

И только теперь, взяв в руку бокал, я понял: такое мог сказать только наш человек. Только воспитанный в хорошо и регулярно пьющей среде, только сам познавший вкус, цвет, запах и цену этого исконно русского напитка. Последнее дело среди наших – слить напиток в бутылку и вовсе западло – выплеснуть его в раковину. Короче, я напрягся, выпил, закусывать не стал, вопросов больше не задавал, а быстро ретировался.

Сам непьющий мэр никогда не останавливает других, а иногда предлагает и тосты. Так бывало на приемах правительства Москвы в Кремле, так происходит это и в последнее время, когда приемы устраиваются в Гостином дворе. При этом он точно не лицемерит, как в некоторых мелочах.

Как-то во время чаепития в боковушке он вдруг спросил, по-моему, ни с того ни с сего:

– Что тебе подарить?

– Ничего мне не надо! – опешил я от неожиданности, а он между тем из стопки разного рода блокнотов, календарей и прочей муры уже вытащил один, достал из картонной упаковки. С золотым образом, с застежкой, блокнот смотрелся красиво.

– Держи, – протянул его Лужков, я поблагодарил, а когда стал заталкивать подарок в дипломат, нечаянно загремел бутылками – прихватил в надежде поменять на полные, а поскольку не удалось, так и таскал пустые с собой.

– Что там у тебя? – спросил он.

– Да вот бутылки таскаю, водки купить не могу. В баню собрался, а спиртного нет...

Он открыл холодильник, покопался в его недрах и достал бутылку армянского коньяка «Двин» десятилетней выдержки, который я, честно говоря, ни разу в жизни не пробовал.

Когда писал первую книгу о нем – совершенно искреннюю по тому времени и по моему тогдашнему отношению к нему – предложил поделиться гонораром на вполне законных основаниях. Он наотрез отказался, заявив, что работает не за гонорары. Я удивился, поскольку к тому времени уже знал, что он получал на домашний адрес по улице Александра Невского гонорары за подготовленные и подписанные псевдонимом «Б. Яковлев» материалы в «Вечерке» об августовском 1991 года путче под общим названием «Момент истины».

Потом он издаст книжку на деньги В. Евтушенкова и на гонорар, как сам же неоднократно доказывал дотошным журналистам из недружественных изданий, будет обучать в Швейцарии младшего сына. Каким же должен быть этот гонорар?

Мало примеров лицемерия? Совсем свежий. У всех на слуху неоднократные заявления Ю. Лужкова о том, какой он законопослушный представитель исполнительной власти. А если что-то где-то кто-то в правительстве России считает, что это не так, что он поступает противозаконно, – на такой случай есть самый гуманный, самый справедливый российский суд – пусть он решает. Так говорит на публике. И вдруг на заседании градостроительного совета, где речь шла о восстановлении спаленного Манежа, когда кто-то из ученых мужей заикнулся о необходимости соблюдения закона, Ю. Лужков заявил:

– Что такое закон? Закон – не догма. Закон – это повод пофилософствовать...

Похоже, и в самом деле ничего и никого не боится, а на общественное мнение ему вообще-то наплевать.

Этот законопослушный руководитель нарушает все, что можно и что нельзя. Трудовое законодательство, постановления собственного правительства и свои как мэра распоряжения. Конечно, исключительно в случаях, когда ему это необходимо и выгодно.

Вы не поверите, но меня до сих пор – а прошло 10 лет с того момента, как я покинул кресло главного редактора газеты «Тверская, 13», – не уволили по закону. Согласно постановлению правительства и уставу редакции главный редактор назначается и освобождается постановлением правительства Москвы. Так вот, постановление о назначении есть, а об освобождении – так и нет. Во всяком случае я его не видел и не расписывался в том, что ознакомлен.

Не существует в природе и акта приемки-передачи предприятия «Редакция газеты «Тверская, 13» от одного руководителя другому, как это предусмотрено всеми существующими нормами и правилами.

Я нанимал адвоката, судился, но, как вы понимаете, проиграл. Во-первых, опоздал по болезни с подачей искового заявления, во-вторых, адвокат – не буду называть его фамилию, поскольку он уже умер, – попросту испугался приглашать тех людей из аппарата мэрии, которых я хотел представить как свидетелей. Да и они сами не горели желанием засветиться в суде на таком процессе. Бывший заместитель заведующего секретариатом Ю. Лужкова, старейший аппаратчик – сидел еще при В. Промысле – В. Шаповалов так в лоб и заявил:

– Я против Лужкова никогда не пойду.

И правильно, подумал я, куда попрешь, если после ухода из секретариата пристроили на должность председателя Союза театральных деятелей, поди плохо. Чтобы изобразить правосудие, суд только с четвертого захода постановил не восстанавливать меня в должности – и на том спасибо.

В том, что Юрий Михайлович – хозяин своего слова, захочет – даст слово, захочет – отберет его обратно, убеждает сюжет, показанный по одному из центральных каналов. Когда ему доложили о преимуществе учебников на электронных носителях, он как человек прогрессивный сразу принял решение начать в школах Москвы эксперимент по внедрению этого прогрессивного типа учебников и во всеуслышание заявил об этом.

Но вот наступил новый учебный год. К нему в кабинет вошел гендиректор ОАО «Московские учебники» С. Линович и доказал, что если перейти на электронику, то вся полиграфическая база, которая кормится от издания учебников на бумаге, останется без работы. А это породит новые проблемы. Юрий Михайлович передумал и свое решение об эксперименте отменил. И правильно сделал. Потому что 70 процентов акций этого на 2/3 госпредприятия, которое получает кучу денег из бюджета, принадлежит – кому? Правильно – Е. Батуриной.

– С детства расквашенный нос и синяки нисколько меня не смущали, – утверждает Ю. Лужков. – У нас на Москве-Товарной ценились смелость, верность и умение терпеть. Теперь это называется держать удар.

Свидетельствую: он умел это делать и совсем недавно. Не говорю «умеет», поскольку фактически ожидать удара ему до недавнего времени было неоткуда. Разве что по ногам во время футбольных баталий членов правительства Москвы. Как-то после очередного матча он с видимым удовольствием сложил два кулака и сказал:

– Вот такой синячище у меня на ноге! Но мы победили...

И столько было гордости в этой фразе, столько азарта и самодовольства от того, что «синячище», и от того, что победили. И в этом он весь: готов лечь костями, но победить.

Футбол – его страсть. Он ездил на тренировки в Лужники чуть свет и по субботам не для того, чтобы, как неоднократно утверждал, сплотить свою правительственную команду и чтобы все «игроки» были в хорошей физической форме, а скорее для того, чтобы удовлетворить эту свою страсть. Однажды в боковушке в стакан с кипятком бросил не заварку, а какой-то порошок.

– Что это? – чуть не в один голос вскрикнули мы с приятелем, который напросился со мной к нему на прием.

– Не знаю, лекарство какое-то. Третий день уже температура, черт знает что...

– Небось на стадионе простудились...

– Да нет. Хотя в футбол играл.

– И зря. Нельзя с температурой.

Много раз приходилось слышать от госслужащих и предпринимателей разговоры о том, что надо как-то вклиниться в футбольную команду к Лужкову, – неважно, играть «за» или «против», лишь бы на поле. В таком разе гораздо проще будет решать проблемы продвижения по службе и бизнеса. Предлагали воспользоваться этой замочной скважиной и мне.

– Я, во-первых, не футболист, а журналист, а во-вторых, себя уважаю и решать проблемы через сауну не намерен, унизительно это.

Ходили и разговоры, что членов своей спортивной команды он бережет и обороняет. Но после очередных выборов уволил префекта В. Систера, который с ним играл, и А. Брячихина, который в мяч – ни в зуб ногой. Вот и пойми его...

А что до продвижения по службе «футболистов», то лично мне наверняка известен один случай: вратарь М. Щербаченко из заместителей руководителя пресс-центра мэрии выбился – думаю, со 100-процентной протекцией С. Цоя, имеющего огромное влияние на мэра неизвестного происхождения, – в руководители Департамента по телекоммуникациям и СМИ. Правда, музыка играла недолго, он быстро проворовался и ретировался. Но Ю. Лужков такие «свои» кадры не бросает и не сдает – вратарю придумали должность – «руководитель издательских проектов».

Это он сочиняет то, что успевает украсть у других авторов, стоял и, скорее всего, стоит у кормушки с грантами, на которые, например, издательство «Олма-пресс» выпускает книги самого Ю. Лужкова и М. Щербаченко – о нем. А все обыскались протекционизма и коррупционизма. Упрям Ю. Лужков в достижении цели. Он добьется разгона комиссии Ю. Болдырева, в то время Главного госинспектора контрольного управления администрации президента, которой так и не позволит влезть в тонкости махинаций со столичной собственностью, устранил главного редактора «Российской газеты» Н. Полежаеву за критические выступления, приручит «Новую газету» и прочие СМИ. На этом месте можно ненадолго остановиться и оглянуться. Если бы в то время Ю. Лужков не стал так рьяно отстаивать своих подчиненных, не лег бы грудью на эту амбразуру, то сегодня мы бы имели в Москве совершенно иную картину. Его не изгнали бы с должности с позором, коррупция не пустила бы такие глубокие корни в тело власти, и префекты округов не становились бы в одночасье

сье ворами и взяточниками, а руководители районных управ не кидались бы с первых дней отбивать суммы, которые они отдали за должность – из первых уст знаю, что не так давно эта должность стоила «всего» 100 тысяч долларов. Думаю, теперь она гораздо дороже.

Наверное, новоиспеченный мэр заступался за «своих» не из корыстных побуждений, а исключительно в силу той черты своего характера, которая не позволяла кому бы то ни было влезать в его «хозяйство». Типа сами наследили, сами и вытрем. Не вытерли. А люди при больших и малых креслах поняли, что у них появилась такая спина, которая может прикрыть всех и вся, списать любые безобразия и оборонить от любых наскоков.

Подросла к этому моменту и инициатива Г. Попова о поощрении чиновников, которые помогают внедряться бизнесу. Именно он на одном из заседаний правительства предложил оплачивать услуги госслужащих в размере 10 процентов от суммы заключаемого договора или сделки. Так родился в городе Москве «откат», отцом которого является Г. Попов. Каким выбухал его ребеночек теперь, все знают, только никто не может понять, что теперь с этим дитятей делать – слишком большой, слишком умный, слишком изворотлив, слишком сладок. Из «отката» родился «откат», из «отката» – «откатище». А дальше нас ждет геометрическая прогрессия и гомерический хохот над властью, выпустившей джинна из бутылки, тех, кто никогда и ни под каким видом не откажется от блюда под названием «откат».

– Если я стану утверждать, что люблю критику, вы ведь мне все равно не поверите, – говорит Ю. Лужков. – И, по-моему, любовь к критике – это патология. Совершенно нормально, что ее не любят все, и я не исключение. Тем не менее признаю объективную, основанную на фактах, конструктивную критику. Ту, которая в перспективе помогает принять правильное решение, найти верный ход.

Скажем, за плохие дороги и мусор во дворах нас только ленивый не критикует, да и мы сами, как я однажды заметил, уже люди с понятием, видим недоработки и прилагаем максимум усилий, чтобы навести здесь порядок. И сдвиги есть.

Злобную же, злопыхательскую субъективную, позерскую и хамскую критику не приемлю и никогда не приму. Я почти никогда не отвечаю на такую критику в печати, считая это ниже своего достоинства, и стараюсь не делать рекламу хамству от пера. Зато в судах мои иски к различным изданиям, в том числе и зарубежным, рассматривались неоднократно, и ни в одном мне не было отказано, все дела я с моими адвокатами выиграл.

– Было бы странно, если бы вы их проиграли...

– Почему? Ведь все меняется, меняется и судопроизводство, и сегодня можно уверенно говорить о заметном прогрессе в рассмотрении дел, когда судьи не заглядывают в анкеты сторон, а руководствуются буквой закона. И я подобные изменения только приветствую. Никогда правового государства нам не построить, если третья власть будет бесправной и безвластной, – уверен Ю. Лужков.

И как правильно говорит! Но лукавит, Парамоша, ох как лукавит!

Но давайте послушаем дальше:

– Я могу оценить моральный ущерб от критики и в 500 миллионов – его ведь руками потрогать нельзя. Что если для меня моя нынешняя должность – это единственная возможность реализовать себя, добиться успеха в жизни? Мне на материальные блага, скажем, наплевать, я могу в другом месте заработать больше. Но я очень щепетилен до того, что касается чести и достоинства. Обливание помоями в печати образует вокруг моего имени вакуум, я теряю точку опоры, я надломлен, не могу продолжить исполнение обязанностей в полном объеме. Нет, моральный ущерб дорого стоит...

Смелость, граничащую с хамством, он продемонстрировал в свое время на трибуне Верховного Совета России, рассмеявшись в лицо депутатам, грозившим снять его с должности, – с того исторического момента он стал известен всей России.

А не боялся потому, что знал: депутаты с ним ничего поделывать не смогут – не они его выбирали и не им его снимать. Именно безнаказанность определила его тогдашнее поведение. Позже Ю. Лужков признается, что только развитие демократии в стране и самоуправление допускают такие выходки, о которых прежде и подумать было невозможно. Подобное бесстрашие мог бы продемонстрировать в те времена любой большой чиновник, однако самому Ю. Лужкову страх присущ так же, как и нам, простым смертным.

– Шеф никогда не садится на переднее сиденье и никогда не разрешает открывать окна, – сказал как-то его телохранитель.

Не знаю, с какого момента он ездит именно так, как сказал охранник, возможно, после инцидента в Останкине, когда его машину остановила толпа человек этак в 300. Он ехал на свою любимую передачу про самого себя, любимого, и якобы про город, сидел на заднем сиденье «Волги» справа, я – в центре, Цой – слева, а впереди – охранник с рацией. В те времена его не сопровождали мигалки и джипы, позади нас плелся «жигуленок» с опером и тогдашним председателем КГБ по Москве и области В. Савостьяновым. С ним, кстати, Ю. Лужков поддерживал теплые отношения – гулял у него на 45-летию в Жуковке, назначил командовать Московским нефтеперерабатывающим заводом.

Толпа показалась недалеко от телецентра – с транспарантами, красными, черными и желто-черными флагами. Все напряглись в нашей машине. Охранник нажал на все кнопки дверей, водитель то ли от незнания, то ли с перепугу свернул за толпой – и тут же выяснилось, что нам ехать надо было прямо.

Захолодало, когда двое шпанистых парней прямо перед машиной остановили трамвай. Мне и самому было хреновато, а Ю. Лужкову, видно, еще хуже. Он весь напрягся и побледнел. Наверное, подумал, что это заранее спланированная акция и сейчас его начнут вытряхивать из машины. Скорее всего, так бы оно и случилось, если бы он тогда катался с мэскими знаками отличия, а так – все обошлось. Из машины сопровождения вышел мент, прогнал трамвай, и мы двинулись дальше. И в передаче он выглядел молодцом.

В общем-то, отношения с телевидением у Ю. Лужкова складывались постепенно, и на наших глазах прошли все этапы развития – от неприятия до любви взапрос и аж до «мочилова». Что до использования этого мощного инструмента промывания мозгов и политического воздействия, то об этом чуть позже, а здесь я хочу остановиться на тех нюансах, которые подчеркивают всю противоречивость характера Ю. Лужкова.

В самом начале своего восшествия на столичный престол в глазах публики старался выглядеть демократом и революционером, и у него это неплохо получалось. В. Познер – не нынешний, хотя и теперь он его приглашал, а давнишний, скажем, «ранний» на российском телевидении Познер пригласил Юрия Михайловича в свою передачу сразу после утверждения его на посту премьера. Ю. Лужков пришел на передачу чуть ли не со всем своим кабинетом, а когда ведущий пригласил желающего – одного из них – на «кресло истины», где надо было отвечать на гадкие и каверзные вопросы умного и по-доброму въедливого Познера и телезрителей, уселся в него сам. Но мог ведь и не садиться! У него одних первых заместителей уже тогда было несколько, не говоря о прочих. Но в нем, видно, живет неистребимый дух, неистребимая жажда испытать себя в различных ипостасях, проверить судьбу-злодейку на всех «плахах», которые подворачиваются на тернистом пути руководителя такого ранга. Которые при любом режиме будут нужны и при верховенстве любой партии будут подставляться под народное возмущение в первую очередь.

Ю. Лужков умело отбивался от наседающих зрителей, уворачивался от вопросов ведущего, поскольку предмет знал, в клоаку плодовоовощного комплекса и хитросплетения городского хозяйства вник настолько, что мог не бояться любых вопросов. Конечно, никто не постиг истину на этой передаче, и кресло ждало очередного испытуемого, но Ю. Лужков доказал: могу и здесь.

Вспоминаю и еще одну передачу, она шла по российскому уже каналу и называлась «Без ретуши». Человек 10 журналистов клевали Лужкова разными гадкими вопросами типа: «Зачем вы набрали в правительство прежних аппаратчиков?» Юрий Михайлович выглядел молодцом. Он вообще-то берет в большинстве подобных случаев откровенностью и напором, не говоря, конечно, о скорости соображения и умении сформулировать мысль.

Мне особенно понравился ответ на вопрос, не кажется ли ему его карьера головокружительной. На что он, опять же, по-моему, совершенно искренне, ответил, что каждый вечер ложится спать и встает утром с чувством глубокой неудовлетворенности собой и тем, что удалось накануне сделать. (Да и вопрос звучал походя, что-то вроде: «За последние годы вы четырежды ложились спать в одном качестве, а просыпались в другом, в новой уже должности?»)

Потом ведущий решил напомнить всем, что он здесь хозяин и имеет потому первоочередное право задавать вопросы. И спросил, почему, дескать, в вашем коррумпированном городском правительстве никого до сих пор не посадили?

Надо было видеть, как вскинулся Лужков! И надо знать его характер, чтобы понять или предвидеть реакцию на такой провокационный, по его мнению, вопрос.

– А где факты? – спросил он возмущенно и затем уже заговорил о том, что для подобных заявлений надо иметь хотя бы немного: объективные факты.

На что ведущий вяло – явно не ожидая такого отпора – парировал: «А дело Трегубова? Он ведь даже еще не отсидел свой срок...»

– Я в то время даже в Мосгорисполкоме не работал, – среагировал премьер, и его противнику крыть стало нечем.

Передача в результате оказалась смазанной и оставила неприятное впечатление.

Короче, когда он после встречи с американцами в Белом зале Моссовета вошел в приемную и кивнул – пошли, дескать, – разговор завязался сразу вокруг передачи. В нем участвовали первый вице-премьер Б. Никольский, депутаты О. Орлов, управделами В. Шахновский.

Я устроился за приставным столиком, достал диктофон, поскольку твердо решил без интервью не уходить.

– Ты что это достал? – спросил Ю. Лужков, увидев мои приготовления.

– Запишу все, что вы тут говорить будете, и продам американцам.

– А я не боюсь, – махнул он рукой. – Пусть услышат нормальный русский мат.

Все ему в один голос твердили, что выглядел он достойно, хотя знакомая журналистка из «Московской правды» мне накануне сказала, что выглядел он похабно. Я не стал ей активно возражать, потому что, резко переменявшись – от любви до ненависти действительно шаг? – по отношению к Ю. Лужкову (потом будет искать в нем только хорошее и подружится), она, по-моему, уже не способна объективно оценивать ни его, ни его поступки. Видно, так уж человек устроен...

Я сказал, что по ходу общего разговора премьер расшвырял своих собеседников, как щенят, и журналиста, способного задать ему достойный вопрос, в студии не оказалось.

На этом разминка закончилась, и началась его обычная свистопляска. Он звонил, ему звонили, он выслушивал доклады, давал указания, принимал решения, подписывал бумаги.

Урок из подобных «боев» он все-таки извлек. Завел свою передачу на своем карманном канале стоимостью в 4 миллиарда ежегодных рублей налогоплательщиков – наших с вами рублей – заматерел, забронзовел, зацементировался в мыслях и атрофировался как спорщик – спорить стало не с кем, всех запугали и подавили власть, энергия и безапелляционность.

И появилась передача с сусальными бабушками и дедушками в окошках, «правильными» москвичами, задающими «правильные» вопросы, на которые всезнающий, всепонимающий, всемогущий и все могущий мэр дает искренние исчерпывающие ответы, сып-

лет «по памяти» цифрами, подтверждающими рост благосостояния москвичей, увеличение доходов, улучшение качества жизни.

Назавтра бабушки и дедушки в дачной электричке будут славословить мэра, пускать слюни по поводу «лужковской» прибавки к пенсии, а он никогда с экрана ни одним словом не обмолвился, что пенсии эти – бабушки и дедушки – вовсе не «лужковские», а определены и установлены правительством города Москвы, деньги на них заработаны благодаря усилиям горожан – ваших детей и внуков, у которых мы отбираем и вам отдаем. А коли он этого никогда не сказал, получается благодетель в единственном числе – Ю. Лужков. Честолюбив, однако, Парамоша!

В один прекрасный момент кто-то, видимо, осмелился – уж не знаю как – сказать ему про сусальных старичков в окошках, и на его передаче появились три журналистских волка во главе, по-моему, с главным редактором радиостанции «Эхо Москвы» А. Венедиктовым.

Как же они его трепали на глазах у изумленной – больше всего чиновной – публики, которую приклеивают к экрану в это время добровольно-принудительно: ах, ты не смотрел?! «ЭХОВцы» Венедиктов и Корзун не давалидохнуть мэру, они знали ситуацию в городе не понаслышке и спрашивали напрямую, в лоб о проблемах и ждали таких же ответов. Но Ю. Лужков давно уже к этому моменту растренировался, крутился как мог, а Б. Ноткин бросал ему спасательные круги, но спасти не сумел. Эти два волчары рвали свою жертву на части беспощадно в открытом режиме и в прямом эфире, как теперь модно говорить, онлайн.

Результатом такого их бесшабашного, беспощадного и дурацкого, с точки зрения журналистской камарильи, поведения стали отказ обоим в дальнейшем общении перед лицом публики с высоким чином и выдворение с телеэкрана любимого мэром телеканала. Он должен сидеть в нем лицом к самому себе и ни к кому другому.

Как-то мне удалось вытащить Ю. Лужкова в Дом журналиста на встречу с читателями. А кто читатели с Арбата? Старики, пенсионеры. Они и заполнили зал для зрителей, и едва я открыл встречу, они начали трепать мэра почем зря. Злобы не было, была немножко напряженная атмосфера из тех, когда большой начальник должен держать ответ за своего последнего дворника. Вот и арбатские дедушки и бабушки хотели немедля получить ответы на самые животрепещущие свои вопросы. До каких пор не будет убираться подъезд, сколько можно ждать слесаря – ну и прочая такая ерунда.

Мэр отбивался как мог, по-моему достойно, и старики по прошествии некоторого времени окончательно уgomонились. Но зато по окончании этого сеанса я получил по полной программе.

– Ты куда меня привел? – спросил Ю. Лужков резко, едва встреча завершилась. – Ты что, не знаешь, как это делается?

Я даже ответить толком не успел и толком не понял, за что получил. Встреча как встреча, потрясли немного – так это же только на пользу, разминка. Потом умные люди объяснили. Стариков, которые имеют право задать вопросик, специально натаскивают на этот прием, они репетируют перед камерами, а тут я, импровизатор хренов.

Понятно, что он полностью растренировался, деквалифицировался, чтобы проводить встречи подобного уровня, но горя-то большого нет.

– Э-э, барин, – говорили мужики в одном из рассказов Лескова, – ты нас грязненькими полюби, а чистенькими нас всяк полюбят.

Брезглив, однако, Парамоша.

Сформировавшееся в хулиганистом родном дворе умение держать удар пригодилось ему на первых порах работы в Мосгорагропроме, когда не долбил его на страницах газет только что самый ленивый журналист. В отместку на публикацию в «Литературной газете» про кошку и колбасу он запретил пускать корреспондентов на подведомственные предприятия, а на газету подал в суд – это в те-то времена!

В заметке речь шла о колбасе, которую кошки есть отказались и которую выпускали на мясокомбинате Мосгосагропрома, возглавляемого Ю. Лужковым. Его требование опубликовать опровержение результата не дало. Больше того – редакция поместила еще одну статью, «последушку», как говорят журналисты, где снова бомбили председателя столичного агропрома. Он хоть и занимал высокий пост, не знал, конечно, секретов тогдашних редакций. Ни одна из них никогда не признавалась, когда допускала промашку. И те руководители, которые это понимали, быстро отписывались: недостатки, дескать, устранены, жулики выловлены, несуну ликвидированы, любовницы сокращены, а пьяницы уволены. Копию такого ответа посылали в горком или райком, и все были довольны. А смеялись критикуемые, поскольку ничего подобного изложенному в отписке они делать не собирались. В случае же поступления в редакцию или райком повторной жалобы ее автору приклеивали ярлык – «склочник». И он мог писать хоть до конца своих дней – нигде б ничего не добился. Разве что могли мимоходом, рассердившись, посадить на пару лет. А если интеллигент, то и в психушку.

Ю. Лужков по накатанному пути не пошел, думаю, характер не позволил. Не побежал жаловаться в партийные органы, откуда, естественно, газету бы приструнили, не стал отписываться, признавая «некоторые недостатки» и обещая их исправить, не начал интриговать, чтобы в других газетах появились положительные заметки о его деятельности, а написал гневное письмо главному редактору. К чему это привело, я уже сказал – к появлению новой заметки, и тогда Юрий Михайлович подал в суд.

В городе и прецедента-то не было, и закона о печати не было в помине, и суды вообще подобными делами не занимались или, если занимались, то единственно по указанию партийных начальников и с определенной целью – дискредитировать истца и оправдать газету.

Не помню нынче, состоялся ли суд и чем закончился, это, в конце концов, не принципиально. Принципиален поступок.

Однажды дотошный московский журналист задал мэру вопрос: дескать, у вас зарплата всего 14 тысяч рублей, как вы сводите концы с концами, ведь вы – мэр?

– А я мало трачу, – был ответ.

Видимо, эта семья вообще экономная. Как-то перед очередными выборами мэра группа энтузиастов с многозаслуженным кинорежиссером и документалистом Борисом Загряжским, снявшим к тому моменту 10 короткометражных фильмов о Москве без единого рубля бюджетных денег! – решила показать Ю. Лужкова лицом к народу как достойнейшего из кандидатов.

– Ребята, – сказал, как всегда, возбужденно Загряжский, – давайте снимем пять-семь фильмов о Москве в русле нашего проекта и заткнем этого Доренку на хрен. Не в лоб покажем, как Лужков строит и дерзает, а исподволь, незаметно, как в рекламных роликах, где тебе засовывают информацию в подкорку головного мозга.

– Давайте, – согласились мы с Людмилой, его директором, – но вопрос прежний: где деньги, Зин?

– В его предвыборном штабе, – не растерялся Борис. – Напишем письмо, сходим объяснимся – не совсем же они там тупые...

– Как говаривал Лаврентий Палыч, попытка – не пытка, – согласился я, и мы отправились в штаб «Отечества» – благо они сидели во дворе нашего дома, в Композиторском переулке.

Флаги, антураж, охрана – все, блин, как положено. Нас принял пресс-секретарь, быстро сообразил, что дело стоящее, а деньги надо отдать небольшие, пообещал доложить В. Шанцеву, который принимал подобные решения, и мы ретировались.

Потом ходили еще не один раз и к разным людям, потом кампания прошла, и Ю. Лужкова избрали, а судьба нашего предложения так и осталась неясной. Судя по попытке издать еще и плакаты «За Лужкова», под которые тоже ничего не дали и даже не стали разговари-

вать, сославшись на централизацию, консервацию, сифилизацию этой работы внутри штаба, я понимаю, что все у них там было схвачено, за все и всем уплачено, а чужие просто там не ходят, с какими бы благими намерениями они ни приближались к предвыборному денежному мешку.

Неутомимый на выдумку режиссер Б. Загряжский придумал почти беспроегрышный вариант – обратиться к жене Ю. Лужкова, которая к тому моменту уже не раз выступала как покровительница детей и искусства. А у нас все сходилось – тут тебе и дети и искусством несет за две версты. Но, видно, искусства оказалось слишком много. Через несколько дней Борис был шокирован не самим отказом высокопоставленной жены, а той формой, в какой это было сделано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.